

Вячеслав Меньшиков

РЖЕВ. СТАЛИНГРАД.
ПОБЕДА!

16+

МЫ ЗА РОДИНУ ВАМ.
И ОНА ЗА НАС.

Вячеслав Меньшиков

Ржев. Сталинград. Победа!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65377442

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга о единой войсковой операции «Ржев – Сталинград», которую называют «Тайным фронтом маршала Сталина». Она и привела к коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Загляните в кузницу Победы! Вы прочитаете, как был задуман и осуществлен стратегический замысел. Издание посвящено 76-й годовщине Великой победы в Сталинградской битве.

Содержание

С чего начиналась книга	6
Часть первая	16
Глава 2.	92
Часть вторая	170
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Вячеслав Меньшиков

Ржев. Сталинград. Победа!

**Посвящается 75-й годовщине Великой Победы над
гитлеровскими захватчиками
в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов**

В изданиях по истории Великой Отечественной войны мало и неохотно рассказывается о битве советских войск под старинным русским городом Ржевом. Между тем под Ржевом погибло более двух миллионов человек – больше, чем под Сталинградом или в иных сражениях великой войны. Вину за такие огромные потери многие возлагали на Верховного главнокомандующего Сталина, обвиняя его в неумелом руководстве армией и стратегических просчетах. Однако время делает свою работу. Открытие архивов КГБ – ФСБ дало возможность понять и оценить триединый стратегический замысел советского командования: операции «Монастырь», «Уран», «Марс».

Суть этих операций заключалась в дезинформации руководства вермахта и самого фюрера, которым демонстрировалось, что главный удар наша армия нанесет под Ржевом, недалеко от Москвы. В то время как главный и решительный удар Сталин планировал осуществить под Сталингра-

дом, стягивая туда все силы. Это была единая войсковая операция «Ржев – Сталинград», которую смело можно назвать тайным фронтом маршала Сталина. Она и привела в итоге к коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Как был задуман, организован и осуществлен этот стратегический замысел, и рассказывается в книге, во многом меняющей взгляд на события, происшедшие в 1942 году, которая была выпущена издательством «Питер» в 2012 году.

Издание успешно разошлось среди читателей. Наступило время второго, третьего, доработанного, выпуска книги под именем **«РЖЕВ. СТАЛИНГРАД. ПОБЕДА!»**, посвященного 75-й годовщине Великой Победы в Великой Отечественной войне, всем советским воинам и труженикам тыла, совершившим своим мужеством и трудом подвиг во имя Победы над гитлеровским агрессором в 1941–1945 годах. Этот великий подвиг советского народа никогда не будет предан забвению.

С чего начиналась книга

Все произошло в рабочем порядке. Редактор газеты как-то вызвал меня и говорит:

– Скоро очередной юбилей Победы – иди накопай что-нибудь весомое к этой дате, такое, чтобы сердце дрогнуло у ветеранов. Сам понимаешь, найти нужно интересное – ни у кого не должно быть подобного. Вроде как другим свой газетный «фитилек» подкинем, да и читателям дадим нечто памятное. Только смотри, без фронтовых баек, правдивое...

– А в какую сторону копать? – осторожно интересуюсь у руководителя. – Все ж, Григорий Иосифович, перекопано!

– Как же, перекопано... Вот ты, например, знаешь, где больше всего в годы Великой Отечественной войны советских солдат полегло?

– Где?.. Под Сталинградом, наверное, – отвечаю ему неуверенно.

– Ну-ну, под Сталинградом. А вот и нет, – с торжествующим видом отвечает редактор и уточняет специально для меня, как будто он всю жизнь был не газетчиком, а историком: – Больше всего советских воинов погибло под Ржевом! Знаешь такой русский город?

– Вроде слышал...

– Слышал... – передразнил меня шеф, – а там, между про-

чим, больше двух миллионов человек было выбито из строя. И фашисты около семисот тысяч своих жизней оставили. Но вот, как ни странно, о тех боях толком никто не говорит – Ржев как заколдованный. Другим городам дают всякие звания, а его долго «отодвигали» от настоящей боевой славы и большой народной памяти.

– Да ну? – уже по-настоящему удивляюсь я. – Что-то и впрямь не совсем ясно... – стараюсь понять замысел шефа.

– Вот и я говорю, что пока непонятно. А ты возьми эту информацию, как говорят, к размышлению и иди копай, пока не поймешь, что там, под Ржевом, случилось и почему. Газетную полосу с твоим материалом об этих событиях планируем давать раз в неделю. С военными фотографиями, картами сражений...

– А как же другие задания? – пытаюсь намекнуть шефу о начальнике своего отдела, у которого к празднику на меня тоже имелись виды.

– С твоим начальником мы все обговорили. Ты же у нас единственный кандидат исторических наук в редакции или не так?

– Вроде так.

– Вот тебе и карты в руки. Только не перепутай географические и боевые, – уточнил на всякий случай с хитровой улыбкой редактор. – Захочешь, сможешь потом писать хоть детектив. Исторический. А сейчас собирай материал для очерков о войне...

Вышел я от Григория Иосифовича немного смущенный. Задание вроде как престижное – не всякому его дадут. Долгосрочное, неспешное – есть время хорошо подумать и поработать над материалом. А то ведь в газете все делается быстро, часто прямо в номер. Попробуй при этом толком поразмыслить о чем-то. А тут и самому стало интересно: что же действительно под этим Ржевом произошло в годы войны? Надо же, сколько там народу положили!

Зашел в свой отдел, направился к рабочему столу. А завотделом останавливает:

– Постой, постой. На, возьми свою лопату...

– Какую еще лопату?

– Твою, историческую, – и протягивает мне уже подписанную командировку во Ржев. – Деньги у Раисы в кассе получишь, детектив ты наш доморощенный...

Вот так я и начал заниматься этой фронтовой темой, которая потом сильно захватила меня. Мне вдруг открылись такие исторические пласты, о которых я раньше не знал. По этой причине почти все свободное от командировок и текущей газетной работы время я уделял поиску новых данных по этой проблеме. А коллеги в редакции с легкой руки Игоря Рольбейна, моего завотделом, стали называть меня «детективом», причем все кому не лень. И ведь они как в воду глядели. Почему?

Когда я ближе познакомился с материалами об этом старинном русском городе на Волге, то действительно уви-

дел все признаки детектива на историческую тему: загадка сражений под Ржевом; крупные исторические персонажи, о жизни которых я зачастую узнавал с самой неожиданной стороны; шпионские действия двойного агента, засланного противниками друг к другу; убийства, погони и так далее. Как и просил редактор, у меня с самого начала этой работы печатались в газете запланированные очерки ко Дню Победы. Но в них поместилась только часть добытого мной материала. Газетная площадь ведь небольшая. А уже потом из всех моих «раскопок» стало вырисовываться нечто более объемное и значительное – книга, как и говорил редактор.

Она рождалась еще и из моего удивления, которое порой переходило даже в возмущение. Главным образом это относилось к тому, как недоверенно все-таки преподносили нам события Великой Отечественной войны, которые я изучал в школе, а потом в вузе. Теперь же, во время работы над заказанными очерками, прошлое СССР и России стало восприниматься мной совсем по-иному. Например, я четко увидел самое печальное: существующая официальная версия войны против гитлеровской агрессии, по сути, сохранила идеологические установки советского времени.

Если говорить откровенно, то рассказ о некоторых периодах войны даже не был похож на суровые дни тех сражений, включая и бои под Ржевом. Российская историография оставалась и остается крайне неточной, а подчас сознательно искажается. Как заметил кто-то из исследователей, историей,

как и ремонтом канализации, должны заниматься профессионалы, посвятившие этому жизнь и получившие знания под руководством опытных специалистов.

Однако, по большому счету будучи продолжением политики, история России пока не может всерьез претендовать на статус науки. Слишком часто и по любому поводу она переписывалась в угоду официальной доктрине. Слишком послушны были «ручные» документалисты, которые умело обходили острые углы прошедших событий. Еще более удачно расставляли «нужные» акценты получатели зарубежных грантов. Стремилась к почету и «первооткрыватели» невероятных взглядов на исторические события минувших дней.

Я с ужасом увидел, что со времен Великой Октябрьской революции 1917 года история СССР и России менялась многократно! Причем под разными знаками – с плюса на минус и обратно. Например, если взять довоенный период, то над всей историей молодого Советского государства довлел «Краткий курс истории ВКП (б)», созданный под личным контролем И. В. Сталина. В дальнейшем период Великой Отечественной войны стал изучаться по десяти победным сталинским ударам. Затем наступило время осуждения культа личности. Появлялись новые контуры истории. Например, историк Григорий Ревзин определял их так:

«Вообще русская культура дала четыре ответа на этот вопрос. Первый, послевоенный – войну выиграл товарищ

Сталин. Искусство 1950-х рисовало войну так, будто она происходила в XVII веке – величественный военачальник в Ставке, на переговорах с союзниками, на белом коне...

Второй, оттепельный, – русский народ без товарища Сталина. Это было, условно говоря, толстовское понимание войны – кровь, смерть, страдания, роль личности ничтожна, и о ней следует вообще забыть, ибо в центре войны – батарея капитана Тушина.

Третий, синтетический, брежневский, – русский народ с товарищем Сталиным, которому следует простить лагеря за Великую Победу.

Наконец, четвертый, сомневающийся. Не ответ, а, скорее, вопрос писателей: Астафьева, Быкова и даже Гроссмана – есть ли эта победа? Ибо победа товарища Сталина – это для обычного человека, оказывается, вовсе никакая не победа. Что ему до чужих выигранных в политических шахматных партиях, на географических военных картах и т. д. – судьба обычного человека, брошенного государственной волей в ад войны, с актом о капитуляции никем толком и не соразмеряется. Потому что есть геополитика, а есть личная смерть, и одно в другое, как ни странно, не конвертируется.

Не Бог вещь такая “богатая” картина получается. Великая Отечественная война, в связи с написанным выше, еще не дала России философа, сказавшего, что же это было на самом деле. Нового Толстого еще не родилось. Но все же

что-то было сказано, и какие-то ответы были нам даны. Вопрос в том, что сегодня осталось от этих ответов». [1]

Хрущёв в свое время поступил еще хуже. Он просто заставил ученых убрать имя Сталина из истории. Заменить его более нейтральными: Ставка, Государственный комитет обороны (ГКО), Верховный главнокомандующий и т. д. Вроде как Сталин и упомянут, но на самом деле в истории войны его нет вообще. Это случилось в 1956 году на печально знаменитом XX съезде Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), где Никита Сергеевич пытался приписать советские победы главным образом маршалу Жукову. Причем расправу над умершим вождем СССР Хрущёв совершил в свойственной ему агрессивной манере, без стеснения извращая очевидные для всех факты. Чего стоит, например, его утверждение о том, что Сталин как Верховный главнокомандующий руководил действиями фронтов... по глобусу! Это противоречило всему, что люди знали о Великой Отечественной войне и об Иосифе Виссарионовиче, о его работе в качестве руководителя Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК).

Олег Поливанов, мой коллега по историческим «мучениям», в своей статье «Почему Сталину ставится в вину то, за что возвеличивается Кутузов?» также сомневается во вроде как устоявшемся курсе нашей истории.

«Сначала казалось, что правда – тут, потом – там, потом снова – тут. Но что, если она и не там, и не тут? Что, если в советской историографии правда была недостаточной, зато “там”, в капиталистическом мире, “про нас” ее вообще не было? По информативности Интернет сейчас перекрывает любые самые большие библиотеки мира, предоставляя всякому желающему провести свое исследование на интересующую его тему, выбивая стул из-под знатной и “остепененной” лжи.

Зато западная историческая наука пробила свою глубокую колею хода Второй мировой войны, которая повествует о славе англо-американского оружия, недалёковидном Сталине, закидавшем трупами немецкие танки, да лютых русских морозах, спасших глупых и неумелых большевиков. Вроде как Гитлер этим был обречен с самого начала. Вроде как поставки оружия и продовольствия из Соединённых Штатов в СССР сделали из крестьянского сброда настоящую Красную армию, а медлительность и трусость лично Сталина, отдавшего приказ не вступать с немцами в боестолкновения до начала фашистской агрессии, неготовность советских армий стоили гибели миллионов военнослужащих и их отступления до самой Москвы» [2].

...И вот после всех этих размышлений уже который день просматриваю различную тематическую литературу, хожу в библиотеки и архивы, изучаю сайты в Интернете. Убежда-

юсь в том, что действительно очень скупо говорится о боях под Ржевом. Напомню, что Западным фронтом, передний край которого в 1942 году находился всего в ста пятидесяти километрах от Москвы, руководил тогда еще генерал армии Г. К. Жуков. Его длительное, более пятнадцати месяцев (с некоторыми перерывами), пребывание под Ржевом также давало повод для размышлений. Получалось, что прославленный полководец вложил много сил, ума и настойчивости в руководство продолжительными боевыми действиями на этом направлении, а в итоге результаты сражений оказались неудачными, что совсем не добавляло ему заслуг. Фашисты так и оставались на занятых ими позициях.

Лишь 3 марта 1943 года войска вермахта сами оставили город Ржев – отошли на новые рубежи, подготовленные ими заранее. Для военной биографии известного маршала это выглядело несолидно. Тот факт, что советские войска через несколько дней после ухода немецких частей вошли в уже оставленный город, ни скрыть, ни перевернуть было невозможно. Только Совинформбюро, тексты передач которого, кстати, постоянно контролировал вождь, бодро сообщило, как советские войска героически освободили город Ржев. Жаль, что рядом с этой датой не было каких-либо крупных государственных праздников. То-то была бы причина прицепить это боевое «достижение» к очередному юбилею.

Но все же по большому счету эта книга – не исторический труд в настоящем его понимании: ее автор является предста-

водителем большой армии журналистов, хотя и к истории имеет прямое отношение – кандидат исторических наук. Ему совсем не безразлично, как трактуют прошлое России сегодня. Конечно, задачи журналистов и историков несколько различаются, но и те и другие в соответствии со спецификой своей профессии стремятся к одной цели – найти истину. На суд читателей представляется журналистское расследование, или, если хотите, исследование **тайны** в событиях, происшедших во время Великой Отечественной войны.

Сразу могу сказать как на духу, что 1942 год в истории Советского Союза действительно оказался самым засекреченным. А Ржев? Что же такого особенного произошло под этим почти никому не известным русским городом?

На основе имеющейся информации о Великой Отечественной войне можно смело сделать вывод, что там шли бои **стратегического**, а не **местного** значения! Вот какое место, оказывается, занимал этот участок фронта в 1942 году по замыслу советской Ставки Верховного Главнокомандования. Но об этом рассказ впереди.

Примечания:

1. Ревзин Г. *Ответ на войну // Коммерсантъ. № 82 (3166), 07.05.2005.*

2. Поливанов О. *Почему Сталину ставится в вину то, за что возвеличивается Кутузов? 11.01.2009; <http://forum-msk.org/material/society/693277.html>*

Часть первая

План советского командования на 1942 год

Глава 1.

Командирами не рождаются?

Почему же Ржев, такой незаметный для многих, в годы войны вдруг стал особо значимым? Ответ может оказаться достаточно простым: город находится на узле шоссе-се-ных и железных дорог, всего-то в 150 километрах от Москвы. Отсюда гитлеровцам было удобнее начинать новое наступление на столицу, чтобы отомстить Советам за позорное поражение в своей первой битве под Москвой в декабре 1941 года. Неслучайно Гитлер держал под Ржевом почти самую многочисленную и сильную группу армий «Центр» в семьдесят дивизий различного назначения, постоянно напоминая советскому Верховному Командованию, что при определенных обстоятельствах на немецком Восточном фронте эта армада в любой момент может прийти в движение и продолжить боевые действия с целью захвата столи-

цы СССР.

Ставка ВГК также отдавала себе отчет в этом и стремилась если не уничтожить эту группу немецких армий, то хотя бы заставить фашистов вообще не думать о нападении на главный город страны и безвылазно находиться в обороне. Но как такого добиться? Решение напрашивалось само собой: дивизиям Красной армии требовалось активно наступать и заставлять противника постоянно защищаться. При этом немецкие генералы должны были даже не помышлять о наступательных действиях, а сохранять свои рубежи обороны, чтобы не дать возможности советским частям осуществить прорыв с дальнейшим наступлением на Смоленск, где у фашистов находился штаб группы армий «Центр» во главе с фельдмаршалом Гюнтером фон Клюге.

Следом за Смоленском гитлеровцам угрожал захват Минска, Прибалтики, Восточной Пруссии, а там уж и до Берлина было недалеко. Понятно, что ни при каких обстоятельствах Гитлер не мог допустить прорыва советских войск в этой полосе Восточного фронта. Однако, чтобы успешно сдерживать фашистов в узде, от солдат Красной армии, их командиров требовались не только полная самоотдача и самопожертвование, но и верные решения на поле боя. Особенно это касалось высшего военного командования и его руководителя – И. В. Сталина.

Здесь уместны такие вопросы: «Мог ли он в условиях войны со своей подготовкой недоучившегося семинариста

разработать стратегию ведения боев против гитлеровских агрессоров? Была ли у него необходимая требовательность, присущая командирам такого ранга? Мог ли он стать реальной и основной фигурой в борьбе советского народа против фашистских захватчиков и другого верховного главнокомандующего – Адольфа Гитлера? Были ли у него возможности, умения и навыки для успешного ведения войны, а не просто задатки политического деятеля, хоть и в ранге вождя народов СССР?».

Я обратился к документам и воспоминаниям соратников Иосифа Виссарионовича, чтобы понять всю значимость фигуры вождя в те годы и определить место, которое он занимал в военной структуре советских Вооруженных сил, а также исследовать, что же предпринимал Сталин для организации отпора Германии при нападении на СССР во время Великой Отечественной войны, в частности в 1942 году. Какое отношение к Ржевской битве имела его деятельность? Мог ли он, в принципе, быть военным руководителем Красной армии и реально влиять на ход боевых действий? Как говорится в хорошей поговорке, «командирами не рождаются...». И вот какой ответ на эти вопросы у меня получился в ходе продолжительных поисков и размышлений.

Редкая фотография Сталина. Здесь он совсем другой, таким его, пожалуй, мало кто видел. Снимок этот сделал фотограф из «Комсомольской правды»; главный редактор распорядился негатив и отпечатки уничтожить. Фотография сохранилась чудом: уборщица выносила мусорную корзину, и фотограф случайно увидел в ней эту свою фотографию, забрал и сохранил... Точная дата и место неизвестны. Предположительно, это конец августа – сентябрь 41-го. Да... ТАКОГО Сталина мало кто видел. Нет, по фотографии видно, что нет никакой растерянности, видна лишь усталость. (См.: Fandorin, <https://cont.ws/@fandorin/219954>).

Начнем с того, что на нем как на Верховном главнокомандующем лежал огромный груз личного участия в замысле, планировании, подготовке, руководстве каждой крупной операцией на театре военных действий советских фронтов. Кроме того, Сталин возложил на себя **основную ответственность** за успех или провал, за судьбы миллионов воинов, участвовавших в этих сражениях. Перед ним постоянно стоял самый сложный вопрос: сумеет ли он как высший военный руководитель и вождь всего советского народа провести страну через все испытания и проложить путь к полной победе над врагом? Все это требовало от него предельного

напряжения умственных и физических сил. Работа проходила (особенно в первый период войны) в крайне напряженной, нервной, стремительно менявшейся обстановке, изобиловавшей острейшими кризисными ситуациями. Это был самоотверженный труд, работа на износ. В годы войны он был.

1. Председателем Государственного комитета обороны (ГКО). Этот комитет являлся чрезвычайным высшим государственным органом СССР в годы Великой Отечественной войны. 30 июня 1941 года за подписями М. И. Калинина, И. В. Сталина издается постановление Президиума Верховного Совета Союза ССР, СНК СССР и ЦК ВКП (б) об образовании Государственного комитета обороны (ГОКО, как именовали его раньше) в составе: И. В. Сталин (*председатель, на снимке вверху*), В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия (*на снимках слева направо*).

<https://yandex.ru/images/search>

Пункт второй постановления гласил: **«Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Оборона»**. *(Выделено мной. – В. М.)*

Пункт третий постановления обязывал всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона.

Однако ГКО не имел своего аппарата и использовал аппарат Совета народных комиссаров (правительства) и ЦК ВКП (б). Многие вопросы, связанные с мобилизацией в интересах войны материальных и людских ресурсов, решались на совместных заседаниях Политбюро ЦК партии и ГКО. В заседаниях участвовали члены и кандидаты в члены ЦК ВКП (б), приглашенные ответственные работники наркомата оборона, Генерального штаба Красной армии, командующие различными родами войск, а также лица, имеющие непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу. Решения, принятые на этих заседаниях, оформлялись как постановления ГКО (реже – как приказы Наркомата оборона).

2. Председателем Совета народных комиссаров СССР – Совета министров того времени. И руководил наркоматами реально, немедленно освобождая от должностей

тех работников, которые не справлялись с возложенными на них обязанностями.

3. Наркомом обороны СССР.

4. Верховным главнокомандующим советскими Вооруженными силами.

5. Председателем Ставки Верховного Главного Командования.

6. Секретарем ЦК ВКП (б).

В связи с тем, что Сталин одновременно возглавлял **ГКО, Ставку, Наркомат обороны, был Верховным главнокомандующим**, иногда непросто было определить, где проходила грань, например, между Сталиным – председателем Ставки и Сталиным – наркомом обороны. Но при этом в дни войны такое совмещение обязанностей резко сокращало время принятия ответственных решений и обработки документов, касающихся обороны СССР. Структура, как показали итоги войны, оправдала себя. Стратегическое руководство вооруженной борьбой осуществлялось через Ставку Верховного Главного Командования, которая была создана 23 июня 1941 года. В нее вошли: народный комиссар обороны С. К. Тимошенко (председатель) (до 10 июля 1941 года. После этой даты Ставку ВГК возглавил И. В. Сталин. – *В. М.*), начальник Генерального штаба Красной армии Г. К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов.

На снимках (слева направо) члены Ставки ВГК: С. Тимошенко, Г. Жуков, В. Молотов, К. Ворошилов, С. Будённый, Н. Кузнецов.

<https://yandex.ru/images/search>

На протяжении всей войны Ставка находилась в Москве. Это имело большое моральное значение. В связи с угрозой вражеских ударов с воздуха в начале июля 1941 года она была переведена в район Кировских ворот, в небольшой особ-

няк с надежным рабочим помещением и связью, а через месяц поблизости, на перроне метро станции «Кировская», расположились и операторы Генерального штаба – рабочего органа Ставки. Понятно, что на стольких постах один Иосиф Виссарионович вряд ли мог справиться со всеми сложнейшими вопросами руководства страной и ее Вооруженными силами. Но Сталиным была подобрана команда, которая работала подобно ему: деятельно, ответственно, умело. В частности, о том, как распределялись нагрузки на руководящих работников страны, говорят следующие данные.

ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА

«Секретно»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1241 4 февраля 1942 г.

1) Распределение обязанностей между членами Государственного комитета обороны:

т. МОЛОТОВ В. М. Контроль за выполнением решений ГОКО по производству танков и подготовка соответствующих вопросов.

тт. МАЛЕНКОВ Г. М. и БЕРИЯ Л. П.

а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству самолетов и моторов и подготовка соответствующих вопросов;

б) контроль за выполнением решений ГОКО по работе ВВС КА (формирование авиаполков, своевременная их пере-

броска на фронт, оргвопросы и вопросы зарплаты) и подготовка соответствующих вопросов.

т. МАЛЕНКОВ Г. М. Контроль за выполнением решений ГОКО по Штабу минометных частей Ставки Верховного Главнокомандования и подготовка соответствующих вопросов.

т. БЕРИЯ Л. П. Контроль за выполнением решений ГОКО по производству вооружения и минометов и подготовка соответствующих вопросов.

т. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н. А.

а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству боеприпасов и подготовка соответствующих вопросов;

б) контроль за выполнением решений ГОКО по черной металлургии и подготовка соответствующих вопросов.

т. МИКОЯН А. И. Контроль за делом снабжения Красной Армии (вещевое, продовольственное, горючее, денежное и артиллерийское) и подготовка соответствующих вопросов.

Подчинить контролю члена ГОКО т. Микояна все органы снабжения НКВ по всем видам снабжения и транспортировки.

Утвердить заместителем члена ГОКО т. Микояна по артиллерийскому снабжению т. Яковлева.

2) Каждый член ГОКО должен иметь заместителя по контролю выполнения наркоматами решений ГОКО по по-

рученной ему отрасли работы.

*Председатель Государственного Комитета Оборона
И. Сталин. АПРФ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 322. Л. 14–15, 19, 21. Ко-
пия. [2]*

А теперь, уважаемый читатель, попробуй примерить на себя роль, которую Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) исполнял на самом высоком уровне. Из шести высших постов в советском государстве три были чисто военными. Как можно было ему оставаться в стороне от руководства отражением фашистской агрессии при таких должностях?! Хотя, в принципе, он мог с высоты своего положения вождя советского народа лишь наблюдать за всем происходящим и давать «ценные указания», поручив непосредственное руководство всеми действиями по защите страны своим генералам. С другой стороны, как ни прикрывался бы Сталин в ходе войны высоким положением, его несостоятельное командование вооруженными силами сразу открылось бы всему советскому народу и остальному миру. В итоге Советский Союз при плохом высшем военном руководителе уж точно не смог бы решительно противостоять гитлеровским войскам и в конце концов завершить войну победой над фашистами.

Здесь мне хочется привести мнение человека с большим опытом в военной области – президента Академии военных наук, доктора исторических и военных наук, генерала армии,

а главное, участника Великой Отечественной войны, воевавшего под Ржевом, Махмута Ахметовича Гареева, который в свое время написал так:

«Разговоры о том, что победил народ, а не руководство, не полководцы, такие разговоры несерьезны, несостоятельны, потому что ни один самый самоотверженный народ никакую победу не может одержать без руководства, без управления, без руля и ветрил». [3]

Однако нужно вместе с тем понимать, что Сталин, хоть и сделал многое для максимальной централизации власти в годы войны, не оставался «наверху» один. Он каждодневно опирался на настоящих профессионалов – наркомов СНК, качества которых проверялись буднями тяжелейшего труда. Но работу даже этих специалистов своего дела нужно было организовать. Для лучшего понимания оценки деятельности Сталина в то время хочу привести сообщение графа фон Шуленбурга, посла Германии в СССР, своему правительству по поводу назначения И. В. Сталина на пост Председателя СНК:

ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА

ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ – В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма

Москва, 7 мая 1941 – 14:02

Срочно!

№ 1092 от 7 мая.

Секретно!

Сталин, сменив Молотова на посту Председателя Совета народных комиссаров СССР, таким образом, возглавил правительство Советского Союза. Молотов занял должность заместителя Председателя Совета народных комиссаров и наркома иностранных дел. Это изменение объяснено перегруженностью Молотова работой, но на самом деле означает реальное падение его авторитета. Причину этого следует искать в недавних ошибках во внешней политике, которые привели к охлаждению дружественных германо-советских отношений, за создание и сохранение которых Сталин постоянно боролся, в то время как личная инициатива Молотова часто направлялась на защиту собственной позиции.

В новом качестве председателя Совета Народных Комиссаров, то есть премьер-министра Советского Союза, Сталин берет на себя ответственность за все действия Советского правительства, как во внутренних, так и во внешних сферах. Это положит конец неестественной ситуации, когда власть признанного и бесспорного вождя народов Советского Союза не основывалась на Конституции. Сосредоточение всей власти в руках Сталина означает повышение авторитета правительства в СССР и новое возвышение Сталина, который, очевидно, полагает, что в ситуации, которую он считает серьезной, он лично должен взять

на себя полную ответственность за судьбу Советского Союза. Я убежден, что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений между СССР и Германией.

Шуленбург.

(Выделено мной. – В. М.) [4]

Чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что Сталин не оставался в стороне от главных событий в жизни страны, находясь на таких высоких и важнейших постах в СССР, нужно вспомнить и стиль его работы. Главным было то, что Иосиф Виссарионович никогда не подходил к решению вопросов по любому наркомату небрежно. Все справки, которые шли ему по обязательному перечню, и те, которые он запрашивал сам, отрабатывались Сталиным тщательно, не спеша и в итоге всегда с достижением положительного результата. Если представить себе масштабы совершаемой им работы, то будет понятно, что это действительно нелегко.

По приказу Сталина переместили громадное количество предприятий на восток СССР. Даже американские и английские историки, далеко не беспристрастные, относят это к величайшим техническим достижениям Второй мировой войны. Приведем некоторые цифры. За первые полгода в восточные районы было перебазировано 1523 предприятия, работавших на оборону. И они сразу же начинали изготов-

лять продукцию! За войну труженики тыла дали фронту 96 тысяч танков, 108 тысяч самолетов, около двух миллионов артиллерийских орудий и минометов различных калибров. И это наилучший показатель конкретного руководства всей военной промышленностью, взаимодействия фронта и тыла. Все было подчинено единой воле. [5]

Как уже говорилось выше, в те годы на Сталина легла огромная тяжесть руководства сопротивлением фашистской агрессии, в том числе и в качестве Верховного главнокомандующего. Целая плеяда выдающихся полководцев, таких как Василевский, Ватутин, Говоров, Жуков, Конев, Малиновский, Мерецков, Рокоссовский, Толбухин, Черняховский, Шапошников и другие, безусловно, понимала логику войны, могла принимать обоснованные оперативные и стратегические решения, а связать их все воедино и обеспечить эти решения материально мог только лидер страны. Об этом понятно сказал маршал Советского Союза Дмитрий Язов: «Есть и другие примеры, когда фигура Сталина вдруг открывается сегодня совсем с неожиданной стороны. Многие вполне заслуженно называют Г. К. Жукова “Маршалом Победы”. Но если Жуков – “Маршал Победы”, то Сталин тогда кто? Только политический деятель? Ведь ни одна военная операция, разработанная его маршалами и генералами, без согласования со Сталиным просто **не проводилась**. И ни один военачальник на уровне фронта, армии сам не обеспечивал свои части. Их обеспечивали Ставка ВГК, Генштаб,

тыл, народ. Кто руководил фронтом и тылом? Ответ снова один: Сталин. И при таком “раскладе” в структуре властей кто же мог руководить страной, в том числе и военными, кроме вождя?». *(Выделено мной. – В. М.)* [6]

Как же работал в таких условиях Верховный?

Его рабочий день начинался примерно в одиннадцать часов. Спать он ложился в четыре-пять утра, обычно засыпал там, где работал. Особенно если это было на его Ближней даче. Вызывал охрану и просил постелить ему. Просыпался около девяти-десяти, если его не будили какие-нибудь экстренные дела. Что ему приготовить на завтрак или обед, Сталин писал накануне. Именно для этого на столе всегда были листок бумаги и ручка. Готовили четыре сменных повара. После завтрака и просмотра почты, донесений Иосиф Виссарионович принимал решение, ехать ему в Кремль или нет. Дежурные на пульте отмечали движение «Хозяина», как его называла охрана, по дому и ждали вызова. О желании Сталина выехать с дачи тут же передавали в гараж. К назначенному часу машина стояла у парадного входа. Правда, во время войны, в 1941–1945 годах, периоды сна еще больше сократились. Никаких выходных дней или отпусков не было. Сталин продолжал работать по 13–15 часов каждый день в Кремле и на Ближней даче, располагавшейся недалеко от села Волынское вблизи бывшего города Кунцево, куда его доставляли на автомобиле за пятнадцать минут.

Заседания Государственного комитета обороны, как и ра-

бота Ставки Верховного Главнокомандования, проходили в предельно скромном кабинете вождя в Кремле. Все здесь было предназначено для напряженного труда, принятия наиболее выверенных решений. Каждый день в этом кабинете проходило пять-семь, а то и более заседаний ГКО, Ставки с руководителями наркоматов и разведки, учеными и конструкторами, представителями Штаба партизанского движения и т. д. Кто только из ответственных работников того времени не побывал у Верховного главнокомандующего! Здесь воистину билось сердце, а также сосредоточенно работал основной мозг страны.

И. В. Сталин умел заставить людей трудиться. Режим работы ГКО, Ставки ВГК был практически круглосуточным. Тон задавал сам Верховный главнокомандующий. Основное внимание он уделял оперативно-стратегическим вопросам, проблемам вооружения, подготовке людских и материальных ресурсов. Объем его работы был таким, что, казалось, он превосходит человеческие возможности. Маршал Г. К. Жуков подчеркивал в вожде «свободную манеру разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большую эрудицию и редкую память». И отмечал: «Взгляд у него был острый и пронизывающий. Говорил он тихо, отчетливо отделял одну фразу от другой, почти не жестикулируя... Говорил с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные сравнения, литературные примеры, метафоры... Юмор по-

нимал и умел ценить остроумие и шутку... Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку... Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым». [7]

Свидетельства очевидцев

<https://yandex.ru/images/search>

Вспоминает член Политбюро ЦК ВКП (б) Анастас Иванович Микоян (*на снимке*): «Верховный был высокоорганизованным руководителем. По степени важности свои решения он писал красным, синим, зеленым или простым карандашом. **Он имел цепкую память и знал состояние и местонахождение каждой дивизии, фамилию и звание их командиров**, к тому же имел маленький блокнот со справочными данными по фронтам, резервам, в том числе и боевой технике. Ему подражали Шапошников, Жуков, Василевский и наркомы». (*Выделено мной. – В. М.*) [8]

К этим словам присоединяется сказанное маршалом Советского Союза А. М. Василевским (*на снимке*), дважды Героем Советского Союза.

<https://yandex.ru/images/search?p=6&text>

Он, более двухсот раз за войну встречавшийся со Сталиным в его кабинете, вспоминал: *«И. В. Сталин обладал не только природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность аналитически мыслить приходилось наблюдать во время заседаний Политбюро, ГКО и постоянной работы в Ставке. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений, директив и приказов... Работать с ним было интересно и вместе с*

тем невероятно трудно, особенно в первый период войны. Он оставался в моей памяти суровым волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным личного обаяния... По моему глубокому убеждению, **И. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования.** Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне». (Выделено мной. – В. М.) [9]

Секретарь Московского комитета и МГК ВКП (б) в годы войны Г. М. Попов (на снимке). Родился в Москве, в семье служащего. Член КПСС с 1926 года. В 1926–1928 годах – на комсомольской работе. С 1928 года работал в Центральном институте труда, окончил машиностроительный факультет Промышленной академии. В 1938 году – инструктор орготдела ЦК ВКП(б). В ноябре того же года избран вто-

рым секретарем МГК ВКП (б). Летом 1941 года возглавлял строительство оборонительных сооружений в Смоленской, Орловской и Калининской областях. Он краток в своих воспоминаниях: «...Я пробыл со Сталиным всю войну. Знал всех членов Политбюро, их качества в работе, но разумнее, последовательнее, более масштабно мыслящих, предвидящих будущее я никого из членов Политбюро не назову, кроме Сталина. **Это была та ось, вокруг которой вращалось, активно действовало все нижестоящее руководство, готовое отдать жизнь ради спасения Родины.** Сталина тогда заменить было невозможно. Хотя солдат и решал победу на полях сражений, но он верил Сталину, верил, что только с ним можно победить фашистскую гориллу мирового масштаба». (См.: http://vlastitel.com.ru/stalin/vov/st_front.html). (Выделено мной. – В. М.)

<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/ru/b/b0/ArtemyevPA.jpg>

Из воспоминаний бывшего командующего МВО генерал-полковника П. А. Артемьева (на снимке): «Когда нависла угроза над Москвой, все мы не были уверены в успехе наших войск. Тут и Жуков не выдержал. Он позвонил

Сталину и попросил разрешения перевести свой штаб из Перхушкова на Белорусский вокзал. Сталин ответил: “Если вы попятитесь до Белорусского вокзала, я займу ваше место”». [10]

Можно перечислять еще и еще воспоминания тех людей, которые работали вместе с вождем. Но для этой небольшой главы и вышеприведенных примеров, думается, достаточно. Понимая, что ему приходится заниматься вплотную военными делами, Верховный главнокомандующий не жалел времени на учебу этому нелегкому ремеслу. Он помнил завещание одного из ведущих мировых военных теоретиков немца **К. Клаузевица: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно»**. Поэтому частыми гостями его кабинета были не только полководцы, но и наркомы, возглавлявшие производство самолетов, танков, артиллерийских орудий и всей остальной военной продукции, другие специалисты.

В книге «Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945)» **генерал-полковник Ю. А. Горьков** уточняет: «Из принятых за время войны Государственным Комитетом Обороны 9971 постановления 2256 постановлений, касающихся Вооруженных сил, он (*Сталин. – В. М.*) подписал лично. И не просто подписал: одни он написал сам, другие подготовлены под его диктовку, третьи он существенно переработал, что-то добавил и уточнил. Все это укладывается в 536 дел Российского центра хранения и изучения до-

кументов новейшей истории (РЦХИДНИ), как теперь называется Российский государственный архив социально-политической истории. И. В. Сталиным подписано, утверждено множество документов Политбюро ЦК ВКП (б), Совнаркома СССР, Наркомата обороны, около 1000 приказов и директив Ставки. И в каждом из них виден почерк Сталина, его стиль изложения: мыслей кратких и тесных по объему, но широких по смыслу». [11]

Так как же квалифицировать эту работу вождя СССР: руководил ли он военным делом в стране или просто смотрел на нее со стороны, с высоты своих больших постов? В ответ на некоторые, иногда вовсе пренебрежительные, оценки военной деятельности вождя можно заметить, что он предметно разбирался в проектах приказов и директив. Ему было подвластно то, что было необходимо в вооруженной борьбе, – от норм снабжения Вооруженных сил носовыми платками и «фронтowymi ста граммами» до утверждения планов кампаний войны и стратегических операций, а также мобилизации и службы в вооруженных силах около 34,5 млн мужчин и женщин. Здесь уместно привести характерный пример о работе тыла Красной армии. **Центральные управления снабжения и обслуживания НКО в начальный период войны практически бездействовали.**

www.oboznik.ru

30 июня 1941 года главный интендант Красной армии **генерал-лейтенант А. В. Хрулёв** (на снимке): докладывал начальнику Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову: «Дело организации службы снабжения действующей армии находится в исключительно тяжелом положении. Ни я как главный интендант, ни Управление устройства тыла, вооружения и снабжения Генерального штаба на сегодняшний день не имеем никаких данных по обеспечению продовольствием и интендантским имуществом фронтов... Подвоза также нет, так как Главное интендантское управление не имеет данных, куда и сколько нужно и можно завозить». Тогда Георгий Константинович с присущей ему прямоотой ответил Хрулёву: **«Мы сами не имеем никаких связей. И не знаем, что войскам требуется».** (Выделено мной. – В. М.) [12]

Генерал А. В. Хрулёв раньше других понял, что система управления военно-экономическим обеспечением войск не соответствует условиям начавшейся маневренной войны. Требовались решительные меры по централизации управления службами снабжения и обслуживания. Начали с изучения опыта управления тылом в период Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войн, а также опыта снабжения западноевропейских армий предыдущего периода Второй мировой войны. Группой офицеров из состава Генераль-

ного штаба и Главного интендантского управления в сжатые сроки на основе изученных материалов, а также старого «Положения о полевом управлении войск», утвержденного Николаем II в 1914 году, были разработаны положения о Главном управлении тыла Красной армии и об Управлении тыла фронта (армии) в военное время.

28 июля 1941 года проекты документов лежали на столе у Сталина. Члены ГКО собрались на станции метро «Кировская». В эту ночь немцы бомбили Москву. Прочитав документы, Верховный главнокомандующий молча протянул их начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову, тот быстро ознакомился с проектами и заявил категорическим тоном: **«Я не согласен. Авторы этих документов хотят, чтобы органы тыла подмяли Генеральный штаб»**. Сталин вспылил: «Вы в этом ничего не понимаете. Никакой вы не начальник Генерального штаба, вы просто кавалерист». Взял документы обратно и сразу же подписал их. [13]

Здесь следует еще сказать, что впоследствии документы были доработаны и заново подписаны 30 июля 1941 года. Тогда же были утверждены **«Положение об управлении тылом Красной армии на военное время»**, **«Схема организации органов управления тылом»**. А 1 августа 1941 года был подписан приказ народного комиссара обороны об организации Главного управления тыла, управлений тыла фронта и армии и об утверждении соответствующего положения. Этим же приказом учреждались должности на-

чалника тыла Красной армии и начальников тыла фронтов и армий. Уже после войны, касаясь вопросов, связанных с реформой тыла, Г. К. Жуков говорил, что до 1941 года он не представлял себе гигантских масштабов и необычайной сложности в работе тыла в современную войну, а касаясь причин освобождения его с поста начальника Генерального штаба, заметил, что, возможно, И. В. Сталин при решении этого вопроса имел в виду разногласия по поводу не только обороны Киева, но и реорганизации тыла. [14]

Особо деятельность И. В. Сталина как военного руководителя стала видна в ходе отражения фашистской агрессии. За время войны Верховный главнокомандующий 157 раз вызывал командующих фронтами и войсками с докладами о планах предстоящих операций. Находил время неоднократно принимать членов военных советов фронтов (в прошлом партийных работников), вызывать для беседы командиров партизанских соединений и отрядов, а также командующих танковыми и воздушными армиями. Его 1413 раз посещали лица руководящего состава Вооруженных сил: начальник Генштаба и его заместители, начальники главных управлений НКО, начальник тыла.

Кроме того, к вождю ежедневно вызывались члены ГКО, Ставки, Совнаркома, наркомы всех отраслей промышленности, представители общественности и иностранные дипломаты. По итогам войны чаще других Сталин встречался с первым заместителем начальника Генерального штаба Во-

оруженных сил страны (с февраля 1945 года – начальник Генерального штаба) А. И. Антоновым. Таких встреч с ним в годы войны у Сталина было 238, в том числе: в 1943 году – 85, в 1944-м – 93, в 1945-м – 60. Около 200 раз в кабинете Сталина был А. М. Василевский – заместитель начальника, а с июня 1942 года – начальник Генштаба, с февраля 1945 года – член Ставки Верховного главнокомандующего. К. Е. Ворошилов был 152 раза, 131 раз приглашался к Сталину Г. К. Жуков и т. д. Соратники по Политбюро заходили к Сталину каждый день, а то и по несколько раз в день. Это были Л. П. Берия, Г. М. Маленков, В. М. Молотов. Реже бывали А. А. Андреев, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. [15]

Постепенно возрастало число иностранцев, принятых Сталиным. В 1942–1943 годах у Сталина были: Уинстон Черчилль – три раза, Антони Иден – три раза, Эдуард Бенеш – один раз, Арчибальд Керр, посол Великобритании, – один раз. А вот Аверелл Гарриман, посол США, довольно часто бывал принят вождем СССР. Он только в 1945 году посетил Сталина 15 раз. Часто были у Сталина деятели компартий стран Европы: Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Долорес Ибаррури и другие. Если все вышеназванные цифры сложить вместе и разделить их на 1418 дней Великой Отечественной войны, то можно реально представить себе нагрузку Верховного главнокомандующего в те дни, и лишь после этого будет легче ответить на вопрос: «Мог ли он предметно, со знанием дела руководить военными действиями

советских Вооруженных сил?». Для исключения каких-либо собственных предпочтений к фигуре Сталина (вроде культа личности) привожу выдержку о работе вождя из воспоминаний иностранца – личного представителя

президента США Ф. Рузвельта **Гарри Гопкинса** (на снимке), который был поражен тем, как вел себя Верховный главнокомандующий: *«Не было ни одного лишнего слова, жеста, ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете... Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова... Кажется, что у него нет сомнений. Он создает у вас уверенность в том, что Россия выдержит атаки немецкой армии...»*. [16]

http://img-fotki.yandex.ru/get/4114/nablyudatel.10/0_250e2_4f4fc6ca_L

Но лишь один человек, **верный секретарь Иосифа Виссарионовича – Александр Николаевич Поскрёбышев** (на снимке справа), смог справиться с огромной подготовительной работой для того, чтобы люди, нужные Верховному, были у него тогда, когда этого требовали обстоятельства. Дело в том, что в течение дня в кремлевском кабинете

проходило пять-семь заседаний и совещаний ГКО и Ставки, с наркомками, членами ЦК партии, работниками Штаба партизанского движения, руководителями разведки, конструкторами и т. д.

Рассаживались за длинным столом. Нередко только заканчивалось одно заседание, как Поскрёбышев впускал другую группу товарищей. Сталин ни с кем не связывался сам по телефону, не тратил время. Этим занимался Александр Николаевич, дежурный секретарь или дежурный генерал. Исключение составляли только сугубо личные звонки из квартиры или с дачи, и то очень редко. Работоспособность А. Н. Поскрёбышева, этого холодного человека с колючим взглядом, была поразительной. «Конвейер» в кремлевском кабинете вождя начал работать медленнее лишь в 1944 и 1945 годах, когда для всех стало ясно, что разгром оккупантов – дело времени. Если до войны Сталин успевал прочесть и просмотреть в день, кроме шифровок, 5–6 книг объемом до 400–500 страниц, то теперь – не меньше военных, дипломатических, политических, хозяйственных документов. Как итог такой титанической деятельности по самосовершенствованию можно привести следующие цифры.

В СССР еще в первой пятилетке (1929–1932 гг.) каждые 29 часов в строй входило новое предприятие. Во второй – каждые 10 часов, в третьей (вплоть до 22 июня 1941 года) – каждые 7 часов, а в первой послевоенной, когда только экономический ущерб состав-

лял 2,6 триллиона настоящих, а не современных «деревянных», рублей, – каждые 6 часов! [17]

Прошу правильно понять, что здесь моя цель – не восхвалять вождя, не возвращаться к культу его личности, а привести конкретные цифры. Не более того. И пусть читатель сам делает выводы об итогах и стиле работы И. В. Джугашвили (Сталина) в качестве руководителя СССР. Можно думать что угодно, но «недоучкам», «неумехам», несобранным и безответственным или зазнавшимся людям подобное было совершенно не по плечу. После всего перечисленного вряд ли какой-либо беспристрастный человек сможет сказать, что Сталин не был грамотным и талантливым, как сегодня говорят, менеджером всесоюзного масштаба, сильнейшим управленцем.

Но как все-таки быть с военным руководством Страны Советов? Здесь снова нужны железные доказательства для того, чтобы стереть из истории откровенное вранье Хрущёва перед делегатами XX съезда партии о Сталине как о слабом военном руководителе. Наверное, многие согласятся с тем, что для получения звания «полководец» нужно выиграть хотя бы одну войну у противника. И здесь самое время напомнить о том, как вождь Страны Советов смог, являясь Верховным главнокомандующим Вооруженными силами СССР, выиграть свою первую войну, начавшуюся с нападения фашистов 22 июня 1941 года. **Он заставил потерпеть поражение другого верховного главно-**

командующего – Адольфа Гитлера. Проигранная фюрером война в истории называется по-разному: «план (вариант) “Барбаросса”», «блицкриг», «молниеносная война» и т. д.

Но при любом ее названии она была настоящей войной. полномасштабной, четко спланированной, суровой и трагичной. Также очевидно, что, начавшись, боевые действия должны обязательно иметь какое-то завершение, какие-то результаты. Из них победа – самый лучший исход сражений. Заключение мира с противником – как бы ничья. И еще есть поражение, что, естественно, не славит ни руководителей государств, ни их генералов. Теперь спросим себя: «А когда же и как закончился “блицкриг”, или “молниеносная война”, для Гитлера и для Сталина?». Многие помнят знаменитый афоризм генерала Дугласа Макартура (MacArthur): «Цель войны – победа, а не продолжение неопределенности. На войне замены победе не существует». Как ни странно, но многие историки, и у нас, и за рубежом, как-то специально не акцентируют внимание на позорном для Гитлера завершении войны по плану «Барбаросса».

А ведь это было полное поражение фюрера в первой войне против СССР как вождя немецкого народа, как верховного главнокомандующего. Можно услышать или прочитать утверждения, что «блицкриг» вдруг просто «рухнул». С чего бы это?! «Молниеносная война» бесславно закончилась «ничем»... Гитлер «неправильно» рассчитал

время нападения... Части немецкого вермахта, ведомые своими генералами, вдруг получили еще одного противника со стороны Советов под именем «Генерал Мороз»... И так далее, и тому подобное.

<https://yandex.ru/images/search?text>

О нем, «русском Генерале Морозе», генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (на снимке) написал, кстати, так: «...11 декабря 1941 года мы вернулись в ставку из Берлина, с внеочередного заседания рейхстага по поводу вступления Японии в войну. Буквально за несколько дней распутица на Востоке сменилась чудовищными морозами со всеми вытекающими последствиями для действующей армии. Самое страшное заключалось в том, что вслед за автопарком отказал и железнодорожный транспорт: немецкие локомотивы и водокачки превращались в глыбы льда... В этой тяжелой ситуации Гитлер отдал первый приказ по Восточному фронту: держаться, ни шагу назад! Отступление – неважно, на 5 или 50 км – означало бы невосполнимую утрату тяжелого вооружения, что делало армию практически беззащитной перед лицом противника. Инстинктивно принятое, это решение фюрера было в целом правильным: чтобы не повторить печальную судьбу отступавшей без тяжелого вооружения “Великой армии” Наполеона в 1812 г., следовало не отступать и стиснув зубы сражаться. Это не исключало тем не менее организованного отхода на заранее подготовленные позиции...». [18]

Давайте подумаем, уважаемый читатель: а можно ли при развертывании полномасштабной войны, даже с определе-

нием «молниеносная», и желая победы, упускать из виду что-то, что могло бы помешать военному торжеству над противником? Именно о скорой победе над «недочеловеками» почти на каждом углу кричали подчиненные Геббельса. Да и сам фюрер постоянно подстегивал себя тем, что неоднократно объявлял, как превосходно выполняется план «Барбаросса», что СССР уже повержен. Были даже приготовлены специально украшенные пригласительные билеты на парад фашистских завоевателей на Красной площади. После этого и Москву, и Ленинград следовало разрушить, а на их месте выкопать моря, чтобы навсегда скрыть под водой память о главных городах Страны Советов. Что-то вроде: «И концы в воду...».

Но ничего у Гитлера не получилось. Почему? Потому что среди других препятствий на его пути к победе был другой Верховный, как оказалось, более умный, прозорливый и оказавшийся более успешным в военном деле, – И. В. Сталин. И никто другой. Как было сказано выше, все нити военного руководства советскими Вооруженными силами сходились в его кремлевском кабинете. Тогда как же могло получиться, что через полгода после начала войны Гитлер потерпел поражение в «блицкриге»? От какого-то недоучившегося священника?! Понятно, что если один Верховный терпит неудачи в военных действиях, то другой выигрывает. Чтобы разобраться в этом, не надо применять сложные законы логики и какие-то особые расчеты.

Ответ один: в «молниеносной войне» победил тот, кто был сильнее и умнее, несмотря на чудовищную ситуацию, сложившуюся в первые месяцы фашистской агрессии.

То есть победу над фюрером и его вермахтом смог организовать будущий маршал Сталин. Как же ему это удалось сделать? Более того, как он смог проявить эти высокие качества успешного военного руководителя? Здесь следует напомнить читателям, что Ставка Верховного Главнокомандования руководила фронтами, авиацией, флотами и т. д., ставила им задачи, утверждала планы операций, обеспечивала их необходимыми силами и средствами, подключала к борьбе против агрессора Центральный штаб партизанского движения и т. д. Основным рабочим органом Ставки ВГК являлся Генеральный штаб Красной армии, тесно взаимодействовавший с управлениями Народного комиссариата обороны и Военно-морского флота. Маршал Г. К. Жуков писал по этому поводу: «Деятельность Ставки неотделима от имени И. В. Сталина. Мне очень нравилось в работе И. В. Сталина полное отсутствие формализма. Верховный главнокомандующий сделал все возможное, чтобы Ставка и ее рабочий аппарат – Генштаб и Военные советы фронтов стали мудрыми и искусными военными помощниками в деле достижения победы над фашистской Германией». [19]

Потому-то и нравилась работа Ставки Жукову, так как никакого бюрократического специального аппарата у нее не

было, так как роль ее штатных сотрудников выполняли те, кто уже нес другие свои основные нагрузки, а Сталин руководил работой этого серьезного аппарата, не оставляя также свою деятельность на других государственных постах. Записи в «Журнале посещений кремлевского кабинета» Сталина сегодня дают ответ на многие спорные вопросы. Сошлюсь еще на мнение маршала А. М. Василевского: «За более чем 30-месячный период моей службы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки, **она полностью в утвержденном ее составе ни разу не собиралась**». (Выделено мной. – В. М.) [20]

Да, тут есть над чем задуматься и о чем поразмышлять. Например, сколько я ни пытался найти для этой книги хотя бы одну фотографию официального заседания Ставки во время войны, сделать мне этого не удалось. Некоторые под Ставкой ВГК до сих пор подразумевают группу людей, имевших свои кабинеты, технических работников в них, обязательную для таких учреждений охрану, график заседаний и т. д., и т. п. Оказывается, такого коллектива, как Ставка, в его привычном понимании не существовало. Вот что говорил известному историку, руководителю Центра военной истории России РАН академику Г. А. Куманёву начальник тыла Красной армии генерал армии А. В. Хрулёв по поводу работы Ставки Верховного главнокомандования.

Свидетельство очевидца

А. В. Хрулёв: Государственный Комитет Обороны – это кабинет Сталина. Что служило аппаратом ГКО? Особый сектор ЦК партии, аппарат Совнаркома СССР и аппараты всех наркоматов. А что такое Ставка? Это – Сталин (и ни одного человека в его секретариате), Генеральный штаб (он вызывал к себе с картой начальника Генерального штаба или помощника начальника Генерального штаба) и весь Наркомат обороны. Это и была фактически Ставка. Вызывает он командующего войсками какого-либо фронта и говорит: – Мы хотим вам дать директиву провести такую-то операцию. Что вам для этого надо? Тот отвечает: – Разрешите мне посоветоваться с фронтом, узнать, что там делается. – Идите к ВЧ. *(Связь, использующая для передачи высокие частоты (ВЧ).* – В. М.) Вся связь, которая была у Сталина, была ВЧ – один телефон, но все было подчинено ему. Как только сказал, сейчас же все выключают и связывают его с тем, кого он хочет вызвать к телефону. Никаких радиостанций, ни телеграфных станций, ничего не было. Телеграф был у Наркомата связи в Генеральном штабе. В Генштабе имелись и радиостанции. Не было такого положения, что Сталин сидит где-то и может все обозревать. Он все к себе тянул. Сам никуда не ходил. Он приезжает, допустим, в 4 часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинает вызывать. У него есть список, кого он вызывает. Раз он приехал, то сразу все члены Государственного Комитета вызываются к нему. Заранее он

их не собирал. Он приезжал – и тогда Поскрёбышев начинал всех обзванивать.

Вы, возможно, представляете себе все это так: вот Сталин открыл заседание, предлагает повестку дня, начинает эту повестку дня обсуждать и т. д. Ничего подобного! Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу же вызывал: это Хрулёва касается, давайте сюда Хрулёва; это Яковлева касается, давайте сюда Яковлева; это Пересыпкина касается, давайте его сюда. И всем давал задания... И в Ставке, и в ГКО никакого бюрократизма не было. Это были исключительно оперативные органы. Руководство концентрировалось в руках Сталина. Обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО. В течение дня принимались десятки решений. Причем не было так, чтобы Государственный комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Сталина. Жизнь во всем государственном и военном аппарате была сложная, так что никто не уходил из помещения. Никто не декларировал, что должно быть так, так сложилось... Следует также иметь в виду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения. Я так делал неоднократно, и Сталин меня ни разу не выгонял. Да он и никого не выгонял. Надо было сидеть и слушать. Но когда создавалась какая-то пауза, я

обычно говорил: – У меня есть один вопрос. – Сидите. (Что означало: этот вопрос он будет рассматривать). [21]

Можно приводить еще много высказываний тех, кто работал с И. В. Сталиным в годы Великой Отечественной войны. Но даже из того, что написано, становится ясно, что Верховный главнокомандующий советскими Вооруженными силами даром свой хлеб не ел. Вникал во многие дела, которые навалились на СССР с началом фашистской агрессии. Руководя действиями Красной армии на советских фронтах, учился искусству ведения боевых действий. Учился сам и учил других, как побеждать в ходе сражений.

Все мы имеем право на свое понимание жизни, истории, прошлого, настоящего, будущего. И всем нам нужно обращать больше внимания не на то, кто этот человек, а что он конкретно говорит, делает. Нечего скрывать, что сегодня для многих людей И. В. Сталин стал персоной нон грата (*лат. persona non grata* – «нежелательная персона», «нежелательное лицо») в связи с тем, что за годы его пребывания на высших постах СССР с советским человеком поступали так, как считало нужным руководство страны, где первой скрипкой, конечно, был ее вождь. Вот только небольшой перечень предъявляемых ему претензий:

◆ *Сталин – величайший преступник едва ли не всех времен, принесший народам СССР горести, от которых им никогда уже до конца не оправиться.*

◆ Сталин, разумеется, никакой гениальностью не отличался, он отличался невероятной жестокостью, полным отсутствием каких бы то ни было моральных запретов и глубочайшим пренебрежением к людям.

◆ Это был человек средних способностей и не очень образованный (неоконченная духовная семинария). В прошлом веке возник такой тип политических «деятелей-полузнаек». Таким был и Гитлер.

◆ Этот синдром в случае Сталина был отягощен патологической, параноидальной боязнью преследования и подозрительностью. Например, Сталин на всякий случай старался уничтожить всех, кто побывал или приехал из-за границы.

◆ Сама индустриализация – вовсе не заслуга Сталина. Она – продолжение крутого экономического подъема, наступившего в стране после отмены крепостного права. Известно, что средний годовой прирост промышленного производства в России с 1890 по 1913 год составлял 17 процентов. Почему-то это никто не называет индустриализацией и не ставит в заслугу царю.

◆ Большим преступлением Сталина является варварская коллективизация, фактически – уничтожение насильственным путем крестьянства. А ведь этот класс, со всеми его достоинствами и недостатками, был становым хребтом русского народа.

◆ Уничтожение им высшего комсостава Красной армии.

◆ К началу войны в армии практически не оказалось крупных боеспособных танковых соединений.

◆ Финская кампания 1939–1940 годов показала, что боеспособность армии низка.

◆ С непонятным упрямством Сталин не верил десяткам предупреждений о нападении Гитлера. С ослиным упорством он запрещал препятствовать разведывательным полетам немецких самолетов над нашей территорией, вводить в приграничных округах режим боеготовности, проводить дополнительную мобилизацию. Объективно он вел себя в предвоенные месяцы как предатель и пособник врага.

◆ Существует общепринятое мнение, что Сталин внес большой вклад в победу над Германией. Но многие считают, что здесь то же, что и с индустриализацией: победа была одержана не благодаря, а вопреки руководству Сталина, его вредным, ошибочным директивам... и т. д., и т. п. [22]

Естественно, обвинения вождя СССР не ограничиваются этими высказываниями. Но полемика с вышеприведенными претензиями не является целью этой книги. Автор поставил перед собой задачу как можно глубже разобраться с тем, **что же происходило в годы Великой Отечественной войны, в 1942 году под Ржевом и в других ключевых местах сражений**. Но и оставлять совсем без комментариев подчас просто клевету на советского руководителя как-то не с руки. Однако многие согласятся с тем, что к началу фашистского нападения вождь СССР вовсе не был по-насто-

ящему подготовленным к руководству военными действиями. И таковым себя не считал. В управление войсками особо не встречал. Все больше доверял своим генералам, особенно из числа кавалеристов. А сам кроме другой деятельности постоянно занимался обеспечением армии новой техникой, вооружением, боеприпасами.

Наиболее краткую прижизненную характеристику Сталину-главковерху в этом смысле дал маршал Советского Союза А. М. Василевский: «О Сталине как о военном руководителе в годы войны необходимо написать правду. **Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в существо дела и подсказывать военные решения**». *(Выделено мной. – В. М.)* [23]

Но, опять же, для объективности следует отметить, что существует и другая характеристика И. В. Сталина как полководца. Генерал-полковник Д. А. Волкогонов в своей книге «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина» написал так: «Сталин при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания. **Он не знал военной науки, теории военного искусства... Верховный не обладал опытом организации стратегической обороны... Думаю, в полном смысле слова Сталин не был полководцем...**» и т. д. *(Выделено мной. – В. М.)* [24]

Ему вторит писатель В. П. Астафьев. В интервью еженедельнику «Аргументы и факты» накануне празднования Дня

Победы в мае 1998 года, ничуть не сомневаясь, он заявил: «Конечно, Сталин – это никакой не полководец. Это ничтожнейший человек, сатана, посланный нам за наши грехи». [25]

К таким мыслям писателя-фронтовика присоединяется «строитель коммунизма» Хрущёв. Уже будучи снятым со всех постов, он написал в своих мемуарах: «Удивляюсь некоторым крупным военачальникам, которые в своих воспоминаниях хотят обелить Сталина и представить его отцом народа, доказать, что если бы не он, то мы не выиграли бы войну и подпали под пяту фашистов. Это глупые рассуждения, рабские понятия. Что же теперь, когда нет Сталина, мы подпадаем под немецкое, английское или американское влияние? Нет, никогда!». [26]

История и здесь посмеялась над пророчествами Хрущёва. Процесс разрушения партии и государства, начатый под лозунгом «борьбы с культом», привел страну к страшной катастрофе – уничтожению Советского Союза как такового, где отрицательный вклад заслуженного «кукурузника» виден, как говорится, невооруженным глазом.

<http://www.sovross.ru/old/2007/23/3-1.jpg>

Однако в противовес Хрущёву **главный маршал авиации А. Е. Голованов** (*на снимке*), который был рядом с Верховным главнокомандующим всю войну, имеет свое видение

действий Сталина-военачальника: «Контроль за ходом отданных Верховным распоряжений и указаний был с его стороны повседневно, если не сказать ежечасно, и спрос был суров. Я здесь хочу подчеркнуть, что не было ни одного товарища, несмотря на занимаемые должности, который бы мог, а сказать честнее, который посмел бы что-либо сделать на свой лад, на свое усмотрение, если он имел уже на сей счет определенные указания. Я хочу здесь засвидетельствовать и то, что ни одна операция, ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие никогда и нигде не проводились без санкции, без доклада Верховному. Он твердой рукой руководил проводимыми операциями фронтов, руководил работой своих заместителей и своих представителей Ставки на тех или иных фронтах, на тех или иных направлениях. Спрос со всех был одинаков, невзирая ни на чины, ни на занимаемую тобой должность. Он, не стесняясь, указывал каждому на сделанные просчеты или ошибки и давал рекомендации или прямые указания, как их исправить. Это касалось и командующих фронтами и армиями, это касалось и начальника Генерального штаба А. М. Василевского, и заместителя Верховного главнокомандующего Г. К. Жукова...». [27]

<https://interaffairs.ru/news/show/28995>

Даже самый «заключенный друг» СССР – премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль *(на снимке)* в свое время не преминул оценить, как недоучившийся семинарист понимает содержание военных действий на фронте. Передавая впечатление на реакцию Сталина при рассмотрении им плана операции «Торч» по высадке союзников в Северной Африке в 1942 году, Черчилль отметил следующую особенность стратегического мышления Сталина: «... Я затем точно разъяснил операцию “Торч”. Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил живейший интерес... Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества “Торч”. Он перечислил четыре основных довода в

пользу “Торч”. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар. Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. **Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно».** *(Выделено мной. – В. М.)* [28]

Тот же В. М. Молотов в середине 1970-х о начале войны говорил: «Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступать – до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали. Мы знали, что придется отступать, и нам нужно иметь как можно больше территории... Мы делали все, чтобы оттянуть войну. И нам это удалось – на год и десять месяцев. Хотелось бы, конечно, больше. Сталин еще перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных.... Да к часу нападения никто не мог быть готовым, даже Господь Бог! Мы ждали нападения, и у нас была главная цель: не дать повода Гитлеру для нападения. Он бы сказал: “Вот уже советские войска собираются на

границе, они меня вынуждают действовать!»». (Выделено мной. – В. М.) [29]

https://www.wikireading.ru/img/236708_74_i_059.jpg

Германское руководство, наоборот, было полно востор-

гов и оптимистичных ожиданий. **3 июля 1941 года** генерал-полковник Франц Гальдер (*на снимке*), начальник Генерального штаба сухопутных войск, так оценил обстановку на фронте:

«В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... **Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней.** Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель... Когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме Вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы и не дать ему возможности, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы». (*Выделено мной. – В. М.*) [30]

4 июля 1941 года Гитлер громогласно на весь мир заявил: «**Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл.**» (*Выделено мной. – В. М.*) [31]

Здесь уместно заметить, что Гитлер неумно и пренебрежительно относился к тем усилиям, которые предпринимал Сталин для того, чтобы не только выстоять, но и нанести частям вермахта первое поражение в их «молниенос-

ной войне». В эйфории от успехов Восточного похода Гитлер чуть позже, **14 июля 1941 года**, даже отдал приказ о подготовке к реорганизации вермахта, чтобы перенести основные усилия на борьбу с Англией и США, которая должна была вновь выйти на первый план после разгрома СССР. Однако развитие событий на советско-германском фронте в августе 1941 года привело к тому, что фашистское руководство было вынуждено отложить на будущее планы реорганизации вермахта. 11 августа генерал Ф. Гальдер делает уже неутешительный для себя вывод: **«Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне со всей безудержностью, свойственной тоталитарным странам, был нами недооценен. Это утверждение распространяется на организационные и экономические усилия, на средства сообщения, но прежде всего на чисто военную боеспособность [русских]».** *(Выделено мной. — В. М.)* [32]

Как мы видим, **лишь один месяц** потребовался начальнику генштаба ОКХ, чтобы полностью пересмотреть свою оценку ситуации на Восточном фронте с плюса на минус. А ведь и в этот тяжелейший период отражения гитлеровской агрессии боевыми действиями советских Вооруженных сил руководил Сталин. **Записи в дневнике Геббельса также свидетельствуют о сомнениях в возможности «завершить Восточный поход, по крайней мере, до зимы».**

10 сентября 1941 года он записывает в свой дневник: «... после того, как выяснилось, что Восточная кампания не может быть закончена в короткий срок, нам необходимо... постепенно приготовить народ к продолжительной войне». (Выделено мной. – В. М.) [33]

Но ни Гальдер, ни Геббельс, ни кто-либо другой из фашистской верхушки не могли себе признаться, что «**молниеносную войну**» они проиграли. С вытекающими отсюда тяжелыми обстоятельствами для Германии, так как фюрер ясно себе представлял, что на затяжную войну у Германии не хватит ни сил, ни средств, ни всего другого, что необходимо не только для ведения боевых действий, а еще и для создания победных усилий и условий в новой войне. Руководители фашистской Германии упивались мыслью, что еще большая территория СССР находилось в их руках и что все еще можно изменить в свою пользу.

Таким образом, в ходе второго этапа, летом – осенью 1941 года, несмотря на тяжелые потери, Красная армия смогла затормозить продвижение противника и в значительной степени истощить его силы. Советское руководство получило время для полномасштабного развертывания военного производства, создания новых резервов, ввод в действие которых должен был переломить ход войны. Вместе с тем следует отметить, что увлечение советского командования частными и слабо организованными контрнаступлениями вело к излишним потерям и затрудняло подготовку

оборонительных операций. Именно в этом была видна еще неполная военная состоятельность и самого советского Верховного главнокомандующего.

Но где же тогда были профессионалы-генералы, которые на поле боя действовали не всегда согласно обстановке? К счастью, Сталин мог учиться и учился не только на чужих, но и на своих ошибках. Причем делал он это быстро, качественно, что выражалось в постоянном повышении уровня сопротивления Красной армии частям вермахта и периодических победных контрударах по фашистам при одновременном отступлении советских воинских частей вглубь страны. Следует здесь же заметить, что Сталин, хотя и не имел военного образования, обладал серьезной практикой руководства военными действиями в годы Гражданской войны, кстати, и в районе Царицына, будущего Сталинграда. Как признавался после войны генерал Г. Блюментрит, **«...нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя».** *(Выделено мной. – В. М.)* [34]

В итоге от поражения в «молниеносной войне» Германия оказалась на пороге крупнейшего военно-экономического кризиса, разразившегося в декабре 1941 года. Уже **24 ноября 1941 года** в беседе с Гальдером командующий армией резерва генерал-полковник **Ф. Фромм**, обрисовав «общее военно-экономическое положение», сделал вывод, что

«необходимо перемирие...». [35]

29 ноября министр по делам вооружений и боеприпасов **Ф. Тодт** заявил Гитлеру, что **«в военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна и необходимо политическое урегулирование»**. *(Выделено мной. - В. М.)* [36]

Отсюда можно сделать лишь единственный вывод: несмотря на тяжелые потери, **советским Вооруженным силам удалось не только остановить, но и победить фашистов в их «молниеносной войне»**. Войска СССР, перехватив стратегическую инициативу, в течение месяца отбросили противника от Москвы более чем на 250 километров. Зимнее контрнаступление Красной армии наглядно показало, что «великолепный» вермахт можно победить.

Происшедшее в то же время нападение Японии на Перл-Харбор и объявление Германией и Италией войны США ознаменовали превращение европейской войны в глобальную мировую, принявшую характер напряженной и многолетней борьбы, выиграть которую Германия не могла. [37]

В первых числах декабря 1941 года гитлеровские войска фактически перешли к обороне, и тут **выяснилось, что никаких планов на этот случай у германского командования нет, поскольку в Берлине господствовало мнение, что противник не располагает силами для контр-удара**. А советско-германский фронт недалеко от Москвы в 1942 году принял сложные очертания. Таким образом, выиг-

рав у Гитлера свою первую войну под названием «блицкриг», несмотря на то что это было сделано далеко не по классическим военным канонам, с большими жертвами, включая потерю огромной массы советских военнопленных, большой территории страны, отданной агрессору, Сталин как Верховный главнокомандующий увидел сам и показал другим, что он может управлять войсками. **Теперь ему, воинам Красной армии и ее командирам нужно было научиться наступать, что он и сделал, не оставив Гитлеру никаких шансов.** А путь к победе для СССР был нелегким и долгим – **1418 дней:** с 22 июня 1941 года до 9 мая 1945 года в Берлине. Красную армию еще ждал 1942 год.

Именно он стал переломным в Великой Отечественной войне. В этот период весь мир увидел победы Красной армии, стойкость и героизм советских воинов, талантливость военачальников, в том числе и улучшавшееся день ото дня стратегическое руководство войсками советского Верховного главнокомандующего. **Вот уж воистину: родиться командиром нельзя, а стать им – можно!**

Примечания:

1. Газета «Правда», 1941. – 1 июля, <http://lib.rus.ec/b/105862/read>.
2. Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945): цифры, документы. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 70, 111.

3. Цит. по: Крупнов Ю. Кто выиграл войну: народ или Сталин? 05.05.2005. <http://www.kroupnov.ru/>
4. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: документы и материалы / Сост. – пер. Ю. Фельштинский. М.: Терра – Книжный клуб, 2004.
5. Язов Д. Маршал Советского Союза. Генералиссимус, <http://stalinism.ru/stalin-i-armiya/generatissimus.html>
6. Язов Д. Там же.
7. Жуков Г. Воспоминания и размышления. Т. 2. – М.: АПН, 1976. – С. 104–105.
8. Суходеев В. Сталин. Военный гений. М.: Олма-Пресс, 2005.
9. См.: Горьков Ю. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ ЛТД, 1995. С. 138. http://vkpb-nsk.ru/news/samaja_silnaja_i_koloritnaja_figura_strategicheskogo_komando
10. Суходеев В. Сталин. Военный гений. М.: Олма-Пресс, 2005.
11. Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945): цифры, документы. М.: Олма-Пресс, 2002.
12. Тыл Вооруженных сил. 1991. № 9. С. 25.
13. Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 68–69.
14. Вещиков П. Военная реформа: прошлое и современность // Тыл Вооруженных сил. 1990. № 1. С. 36.
15. Соловьёв Б., Суходеев В. Полководец Сталин // Военно-исторический журнал. 1995. № 3.

16. Соловьёв Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М.: Эксмо, 2003.
17. Липартелиани Г. Сталин Великий. Частные попытки исследования феномена личности И. В. Сталина. М.: Роза Мира, 2001. С. 30. http://delostalina.ru/?p=173#_ftn2.
18. Кейтель В. 12 ступенек на эшафот... Ростов н/Д.: Феникс, 2000. С. 303.
19. Жуков Г. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: Новости, 1990. С. 102–103.
20. Василевский А. Дело всей жизни. М.: Издательство политической литературы, 1975.
21. Куманёв Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. http://militera.lib.ru/h/куманев_ga2/index.html
22. См. подр.: Сталин: мнимые заслуги и реальные преступления. // Форум «Правда.Ру». forum.pravda.ru/index.php?showtopic=6195
23. Осокина И. Сталин в годы войны, <http://www.historicus.ru/204/>
24. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 2. М.: Новости, 1990. С. 268, 292, 347 и др.
25. Аргументы и факты, 1998. Май. № 19.
26. Хрущёв Н. Время. Люди. Власть: воспоминания. Кн. 2. М.: ИИК «Московские новости», 1999. <http://bookz.ru/authors/hrubev-nikita/hrusc03/1-hrusc03.html>

27. Голованов А. Дальняя бомбардировочная. М.: ООО «Дельта НБ», 2004. http://militera.lib.ru/memol_russian/golovanov_ael/index.html

28. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. М.: Воениздат, 1955. С. 477–478.

29. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991.

30. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 1. М.: Воениздат, 1968–1971. С. 79–80.

31. См.: Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 205.

32. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 1. М.: Воениздат, 1968–1971. С. 79–80.

33. В кн.: Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха. 1933–1941. М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1984. С. 107–109; Ржевская Е. М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М.: Слово, 1994. С. 302–316.

34. Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К., Циммерман Б., Мант Х. Роковые решения. М.: Воениздат, 1958. С. 98.

35. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 2. М.: Воениздат, 1968–1971. С. 70.

36. Цит. по: Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах

гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М.: Воениздат, 1980. С. 19, 113.

37. См.: Мельтюхов М. И. *Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000.*
<http://militera.lib.ru/research/meityukhov/index.html>

Глава 2.

Решающий замысел Ставки ВГК

Даже краткий анализ того, как работал И. В. Сталин в годы войны, показывает (кто бы и как бы ни ругал его), что ему поневоле пришлось стать руководителем (если кто-то стесняется другого слова) советских генералов, полководцем. Историю нельзя повернуть в обратную сторону. Опираясь на факты, пройдя по их следам, мы видим, как и что происходило десятилетиями раньше. Занимая пост Верховного главнокомандующего, Сталин никак не мог оказаться в стороне от тех сражений, что происходили на советских фронтах, включая и бои под Ржевом. Однако он не мог быть некомпетентным в новом для него военном деле, да и не желал. Такую неграмотность в дни войны не скроешь, и она явно бы не украсила вождя народов СССР. Но вот как ему удалось на базе незаконченного семинарского образования подняться до высот крупного военачальника в годы Великой Отечественной войны, мне нужно было в первую очередь понять самому. Причем составить верное представление об этом превращении из бывшего семинариста в маршала можно было только в том случае, если при этом строго опираться не на эмоции, а на документальные данные и вни-

мательно, «по косточкам», рассматривать процесс планирования и руководства битвами советским Главкомверхом.

В годы войны Сталин никогда не командовал войсками единолично. Прежде чем появлялась та или иная директива, приказ Ставки ВГК на проведение какой-либо войсковой операции, особенно стратегического значения, он всегда проводил обсуждение ее замысла, потом добивался уточнения путей достижения намеченной цели и нахождения нужных средств для исполнения задуманного. Лишь после этого советский Верховный утверждал документы, соглашаясь со своим генералами. Главное было в том, что по своим должностным обязанностям именно он, а не кто-то другой, последним ставил свою подпись в военных документах и этим разрешал проводить боевые действия в соответствии с самыми хитрыми замыслами, **при этом беря как главнокомандующий ответственность на себя.**

Уже только благодаря этим действиям он должен остаться в истории Второй мировой войны. В то далекое время так поступать приходилось еще и потому, что именно в кремлевском кабинете Ставки ВГК сосредоточивалось максимально возможное количество информации для подготовки и проведения очередных войсковых операций Красной армии на том или ином участке советских фронтов, к чему добавлялись и другие усилия Иосифа Виссарионовича. В первую очередь, например, по руководству работой тыла, деятельности дипломатов, взаимодействию с союзниками, особенно по

открытию второго фронта, поставок по ленд-лизу и т. д. Вот почему рождение замысла какого-либо нового – как правило, стратегического – наступления для Сталина, в принципе, не было делом исключительным или невозможным. Мне же, чтобы понять, как готовились различные планы советского командования в то военное время, особенно на уровне фронтов, приходилось «перелопачивать» большое количество архивных материалов, других источников, встречаться с генералами, офицерами, простыми солдатами-ветеранами, много размышлять самому, чтобы через чащобу всяческих наслоений информации по Ржеву, в большей своей части негативного характера, находить истинные причины тех давних боев.

Постепенно найденные факты, как в разведке, собирались «до кучки». И вдруг неожиданно, порой почти произвольно, среди них вырисовывались настоящие жемчужины: незамеченный реальный факт, новое событие и др., – которые раньше принимали за обычный разговор, данные, не особо выделяющиеся в череде других архивных дел. Или, например, через некоторое время среди них уже можно было разглядеть какой-то неожиданный поворот в войне, новое понимание проблемы ожесточенной борьбы советских войск с частями вермахта и т. д. Потом к одному такому драгоценному звену прибавлялось второе, третье, и постепенно выстраивалась некая историческая линия, приводившая к событиям, происшедшим в 1942 году.

Например, момент эйфории Сталина после победы над Гитлером в «молниеносной войне» – «блицкриге». Отсюда, наверное, у него возникло понимание, что фашистов можно просто «дожать», так как они вроде были уже сломлены. Тем более что на помощь Красной армии пришел «Генерал Мороз», прямо скажем, в нужное время. Кстати, я где-то наткнулся даже на такой факт, что этот «Генерал» случился вовсе не в России, а в... Индонезии, где произошел какой-то аномальный природный катаклизм, который повлиял на погоду во всем мире, отчего наступила более суровая зима. И не только в СССР, но и в других странах. В этих условиях, как казалось вождю, нужно было всего-то подбросить, особенно на Западный фронт, дополнительные дивизии из резерва ВГК – и враг побежит назад.

Но, как бы ни были тяжелы условия на русских просторах, фашисты тоже были не простаки и спешно направили в свою группу армий «Центр» дополнительные элитные, личные отряды фюрера. Кроме того, Гитлер лично потребовал от каждого солдата: «Под Москвой стоять насмерть! Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты... Каждый населенный пункт должен быть превращен в опорный. Сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником». [1]

Так что знаменитый июльский приказ Сталина № 227 1942 года, известный у нас под названием «Ни шагу назад!»,

как бы был отдан раньше, только у противника. И солдаты вермахта свою клятву держали крепко: фронт временно стабилизировался, а противоборствующие стороны стали накапливать силы, разрабатывая новые планы сражений.

После разгрома немецких войск под Москвой наступательные возможности Красной армии к весне 1942 года иссякли. Перемещенные на восток заводы и фабрики только начинали возводиться на новых местах и давали еще недостаточное количество военной продукции. Для Ставки Верховного Главнокомандования настало время решать, как действовать дальше: обороняться или продолжать наступление?

<http://samsv.narod.ru/Comm/Jpg/Shaposhnikov.jpg>

Начальник Генерального штаба Красной армии маршал Б. М. Шапошников (на снимке) понимал, что для накопления мощных, хорошо подготовленных резервов необходимо было выиграть время, продержаться. Он предлагал перейти к стратегической обороне на всех фронтах. Сталин и Жуков соглашались с необходимостью некоторой передышки, но хотели провести несколько крупных частных наступательных операций, чтобы в боевых действиях

против фашистов не терять инициативу. В итоге стратегическая оборона все-таки была принята в качестве главного вида действий Красной армии на 1942 год. Предполагалось, что гитлеровцы в этом году выберут одно, главное, направление, на котором сосредоточат большинство своих во многом уже сократившихся сил. И наиболее вероятным направлением немецкого наступления, если оно состоится, советское командование считало боевые действия вермахта с целью захвата Москвы.

Для устранения такой явной угрозы под советской столицей формировались новые укрепленные районы (УРы), окружившие город с западного и юго-западного направлений. А на весну – лето 1942 года советское командование рассматривало такие частные операции, как наступления Карельского фронта на мурманском, кандалакшском, кестеньгском направлениях с выходом в случае успеха на государственную границу. Войска 7-й отдельной армии должны были очистить от финских войск левый берег реки Свири и захватить плацдармы на ее правом берегу. Совместными действиями Ленинградского и Волховского фронтов Ставка планировала деблокировать Ленинград. А части Красной армии Северо-Западного фронта получили указание уничтожить немецкие войска на Демянском плацдарме и т. д. Особые задачи возлагались на Калининский и Западный фронты. **Они не только держали оборону, но и готовились разгромить ржевско-вяземскую группировку немец-**

ких войск с целью захвата Вязьмы, Великих Лук и далее – Смоленска. Крымский фронт в это же время должен был полностью очистить от немцев полуостров. Таким образом, в 1942 году советскому командованию хотелось ликвидировать большую часть фашистских сил и средств, чтобы все задуманное явилось логичным и успешным продолжением общего наступления советских войск, начатого зимой 1941 года, но остановленного немцами.

В Генштабе Красной армии хорошо понимали, что в стране еще чрезвычайно остро ощущался недостаток материально-технических средств, подготовленных воинских резервов, боеприпасов и т. д. Планировать стратегические наступательные операции в таких условиях было нелегко, а порой и вообще бесперспективно. Большие военачальники искали ответ, наверное, на самый главный вопрос: они пытались определить, где же германское командование реально нанесет главный удар в 1942 году. Мнения были различными, но многие, и в первую очередь Верховный, считали, что захват Москвы останется основной целью германского командования. Однако советский Главковерх с высоты своего поста видел и другое. Война идет уже несколько месяцев, а результат победных боевых действий советских генералов был пока лишь в минусе. В начальный период войны в силу некоторых причин у него даже сложилось определенное недоверие к генералитету.

Это в немалой степени было обусловлено слабой подго-

товленностью командиров Красной армии для осуществления победных войсковых операций непосредственно на поле боя как по объективным, так и по субъективным причинам, в том числе и в результате проведенной до войны чистки командных кадров советских Вооруженных сил. Большая часть младших командиров, офицеров и генералов еще не умела правильно организовывать противостояние агрессивным действиям немецких захватчиков, что приводило к многочисленным жертвам среди воинов Красной армии, подчас неразберихе в ходе сражений и потерям, большей частью ничем не оправданным. Вследствие такого неумелого управления множество солдат Красной армии попало в плен, была утрачена значительная часть европейской территории СССР, которая очень быстро оказалась в руках гитлеровцев. Причины этого указаны, например, в докладной записке, направленной в адрес Верховного главнокомандующего.

ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА

Секретно, экз. № 1

*ОБ ОПЫТЕ БОЕВ ЧАСТЕЙ 24-й АРМИИ В РАЙОНЕ
г. ЕЛЬНЯ В ПЕРИОД С 20 ИЮЛЯ ПО 5 АВГУСТА 1941 г.*

Докладная записка начальника артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронова

И. В. Сталину 15 августа 1941 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ тов. СТАЛИ-

НУ И. В.

1. Пехота. Части имеют большой процент плохо подготовленных в тактическом и стрелковом отношении бойцов и младших командиров; отделения, взводы и роты во многих частях не были сколоченными. Очень плохо отработаны вопросы сочетания огня своего оружия и движения. Плохо с перебежками и переползанием под огнем противника, при движении вперед вместо установленных цепей быстро сходятся в группы (а иногда и толпы) и подставляют себя в таком виде под огонь противника. У пехоты не воспитана необходимая вера в силу и мощь своего оружия. Благодаря незнанию и неумению выжать все, что возможно, из своего оружия, – винтовка, пулемет, граната и миномет часто расцениваются как малоэффективное средство. На этой основе и рождается стремление большинство задач в бою решать артиллерией, танками и авиацией.

Командиры и бойцы пехоты не умеют использовать огневое воздействие на противника своей артиллерией и минометами (танками и авиацией) для сближения с противником, выхода на рубеж для атаки и для броска в атаку. По-прежнему атака опаздывает, иногда, боясь свиста над головами снарядов и разрывов своей артиллерии, требуют переноса огня в глубину преждевременно. Все трусы и малодушные легко исчезают в тылы, бросают оружие и стараются скорее быть вне поля боя. Данные об убитых и раненых определяются неточно. Эвакуация раненых с поля боя

организована плохо, много фактов оставления раненых при отходах. Сказывается отсутствие в роте настоящего советского фельдфебеля, наши же старшины рот выполняют лишь роль плохих хозяйственников. Все эти недостатки следует как можно скорее устранить учебой, поднятием дисциплины и рядом орг. мероприятий в тылу и на фронте.

II. Артиллерия. Основная масса бойцов и младших командиров оказались подготовленными к ведению боя в простейших условиях, свои обязанности знали, но не имели еще достаточного практического опыта. Часть бойцов, неподготовленных, занимала второстепенные должности и особого влияния на качество действий артиллерии оказать не могла. Артиллерия занимала удаленные огневые позиции и наблюдательные пункты и почти не имела передовых наблюдательных пунктов в передовых частях пехоты. Крайняя недостаточность средств связи в артиллерии ряда дивизий (утеряны в предыдущих боях) ставила под угрозу управление огнем дивизионов и групп и вынуждала прибегать к пользованию плохо налаженной связью пехоты.

Общее стремление сидеть в убежищах, землянках и т. д. не способствовало живому руководству. Многие командиры батарей, из числа недавно назначенных, были плохо подготовлены к стрельбе. Плохо организованное наблюдение мало давало данных о противнике, его огневых точках, инженерных сооружениях и т. д. Батареи много расходовали снарядов, стреляя по «надуманным заявкам пехоты», по пря-

мым приказам пехотных, общевойсковых и старших артиллерийских командиров, часто без всякой пользы для дела, а лишь для успокоения нервов. Артиллерийская обработка рубежа проводилась, но нужных результатов не достигали. Каждый день повторяли одно и то же, ложных переносов огня не применяли и приучили противника к нашим действиям по шаблону.

Учет расхода снарядов был поставлен плохо, подвоз их не был организован, благодаря чему ряд дивизионов оставался без снарядов, стреляные гильзы и укупорка преступно разбрасывались и в тыл не отправлялись. Все эти недостатки были под большим нажимом устранены, была резко повышена действенность огня артиллерии и минометов. На ряде участков фронта артиллерия стала буквально вычищать отдельные объекты от противника и давать возможность пехоте беспрепятственно их занимать. Для улучшения взаимодействия с пехотой и повышения действенности огня командиры батарей и дивизионов были выдвинуты вперед, а часть орудий выдвигалась на открытые позиции для стрельбы прямой наводкой.

По данным от пленных и усиленная бомбардировка с воздуха авиацией противника боевых порядков артиллерии говорят за то, что противник от артогня нес большие потери. При продвижении вперед малокалиберная и полковая артиллерия очень неохотно выдвигались вперед за пехотой, потеряв веру в устойчивость их боевых порядков. При вы-

движении вперед и отходах назад очень редко пехота помогает артиллерии тащить орудия и очень часто малочисленному орудийному расчету приходится выполнять это со сверхчеловеческими усилиями.

Прибывшие в район Ельни две батареи «РС» были введены в дело, дали нужный эффект, он был бы гораздо большим, если бы была возможность их применить по более густым боевым порядкам. Для получения лучших результатов должна быть подготовлена и лучшая пехота, за последним залпом должен немедленно начинаться штурм объекта. Малейшее опоздание атаки сводит на нет весь материальный и моральный эффект боевого применения этого нового средства борьбы.

III. Танки. Танки применялись в малых количествах и на узком фронте. Танковые части оказались слабо подготовленными для взаимодействия с пехотой и артиллерией. Танки обычно отрывались от пехоты, старались пренебрегать противотанковыми средствами противника и применяли лобовые атаки. Малое количество атакующих танков и знакомые направления их атак позволяли противнику сосредоточивать огонь своих противотанковых орудий и выводить из строя наши танки. Опыт боя под Ельней показывает всю нецелесообразность применения наших «КВ» и «Т-34» в малых количествах на организационную оборону противника.

IV. Авиация. За весь период действий авиация противника

явно господствовала в воздухе, наносила потери, а большие морально подавляла наземные войска, и только последние три дня наша авиация была немного усилена и стала проявлять активность.

Благодаря удаленности аэродромов, отсутствию делегатов от авиации в дивизиях, плохой связи с аэродромами вопросы прикрытия своих войск, штурмовые и бомбардировочные действия не давали нужного эффекта и не обеспечивали полностью действий наземных войск.

V. Противник. Пехота противника действовала осторожно, а на ряде участков пассивно. Вся система его огня построена на большом количестве автоматов и минометов. Артиллерия средних калибров отсутствовала, две-три тяжелые батареи редким, методическим огнем, явно экономя снаряды, обстреливали расположение наших войск. Противник активно использует минометы разных калибров, главным образом по нашей пехоте и артиллерии. Стреляет по площади, массируя огонь нескольких минометов по скоплениям и густо расположенным нашим боевым порядкам. Зная об отсутствии у пехоты зен. пулеметов и 37-мм пушек, дерзко и нахально применяет свою авиацию, бомбит, штурмует и обстреливает из пулеметов с малых высот наши боевые порядки. Малейший успех, незначительное продвижение вперед стремится сразу же ликвидировать активными действиями своей авиации. Последняя имеет посадочные площадки близко, имеет полную возможность

быстро приходит на цель и делать многократные вылеты, наносить потери и морально подавлять войска. Противник активно применяет свою разведывательную и корректировочную авиацию, последняя корректирует огонь артиллерии и вызывает бомбардировочную авиацию на определенные объекты.

При наших наступательных действиях кое-где пытался применять контратаки пехоты с танками в небольших количествах, которые успехов ему не давали. Противник на отдельных направлениях пытался вести разведку мелкими группами пехоты, на остальном фронте вел себя пассивно. В ряде мест наша пехота указывала на наличие закопанных танков на переднем крае обороны противника. Стрельбой нашей артиллерии на разрушение установлено, что эти цели оказались дерево-земляными сооружениями. По словам участников первой империалистической войны, «Кайзеровский немец» был гораздо упорнее и устойчивее в бою, нежели «Гитлеровский немец». Подвижные войска противника, безусловно, измотаны, основательно потрепаны, имеются большие потери в людском составе и технике. Предполагаю, что частые стоянки танковых частей противника на месте не только в результате отсутствия горючего, но и благодаря преждевременному износу моторов от нашей пыли и песка. Противник в обороне оказывал упорное сопротивление, надеясь на наше неумение доводить дело до конца.

ВЫВОДЫ:

1. В районе Ельня к 5.8.41 года части противника были морально достаточно потрясены и имели большие потери в людском составе и боевой технике. Хорошая огневая подготовка и дружное наступление наших войск могли бы сломить сопротивление противника и добиться успеха.

2. Плохая боевая выучка наших войск, плохое взаимодействие и низкая дисциплина не дали нужного успеха при наступлении.

3. Плохое управление сверху донизу, низкая подготовка ряда командиров и штабов, растерянность и неуверенность в успехе не могли обеспечить этого успеха.

4. Плохая разведка лишила возможности действовать, хорошо зная силы, средства и группировку противника.

5. Отсутствие нужной дисциплины, организованности и должного порядка в наступающих войсках не обеспечило успеха.

Начальник артиллерии Красной армии
генерал-полковник артиллерии Воронов».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 263. Л. 145–153. Подлинник. [2]

Исходя из создававшегося сложного положения начального периода Великой Отечественной войны Сталин как вождь был вынужден искать для советского народа, его воинов тот путь, который привел бы к победе над фашистами. При этом он понимал, что его руководящая и организующая роль, особенно как Верховного главнокоман-

дующего, должна была стать реально ведущей. Критическое положение СССР резко повысило его личную ответственность за удачные результаты действий советских Вооруженных сил. Более того, он видел на практике главное: что для достижения победы требовалось найти верную стратегию, которая должна была продиктовать в дальнейшем правильную тактику советских войск, способную привести к победе. И он постоянно искал ее. Настойчиво размышлял: какой вариант из многих предлагаемых ему будет лучшим, как активнее вовлечь в нее своих генералов, что нужно сделать еще, чтобы новый стратегический замысел не остался лишь на бумаге, в приказах и директивах?

Вот что Верховному приходилось решать в 1942 году. Однако при этом, склонный к сокрытию своих планов, а подчас и действий, он не всегда хотел открыто и широко делиться с кем-либо своими сокровенными мыслями. Конечно, руководить было труднее, когда вся ответственность ложилась практически на него одного. И спрашивать за дела на фронте приходилось в том числе и с себя. Он понимал это. Но, похоже, у Верховного не было другого выбора. С такой расстановкой приоритетов в 1942 году согласен вдумчивый исследователь истории войны **Арсен Беникович Мартиросян**, когда пишет: «Естественно, что в рамках поневоле сложившегося недоверия Сталин не посчитал особо нужным раскрывать перед генералитетом свой замысел... Говорить об этом вслух было невозможно – в условиях еще продолжавшегося

ся тогда отступления наших войск это дало бы командованию моральное право на дальнейшее отступление. А вот этого допустить было нельзя. Как, впрочем, впоследствии нельзя было допустить и того, чтобы ранее наступавшая на Москву группировка вермахта зализала бы после такого разгрома свои раны и вновь полезла бы на нее. Именно поэтому-то и явно специально Сталин убеждал своих генералов, что-де, по его мнению, гитлеровцы смогут вести в 1942 году наступательные операции сразу на двух стратегических направлениях: Московском и Южном. Хотя уже абсолютно точно знал содержание директивы фашистов № 41. Данные разведки были безупречны.

Именно поэтому едва ли не сразу после успеха контр-наступления под Москвой началась **и первая Ржевская операция, конечного смысла которой Жуков не знал, кроме того, что надо бить врага. И то же самое повторилось и в летней Ржевской операции. И вызвано это было тайной подготовкой к Сталинградской битве...».** *(Выделено мной. – В. М.)* [3]

Другой исследователь Великой Отечественной войны, **Н. Гришин**, выдвигает свой взгляд на события, происходившие в то время на фронте: «Ретроспективное изучение той обстановки, документов, воспоминаний и размышлений многих участников событий 1942 года наталкивает на следующую версию: Сталин вполне обоснованно опасался повторения немецкого наступления на Москву. Он совершенно

справедливо считал, что только военно-политические факторы еще сулят Гитлеру какие-то надежды. Так как общее превосходство в силах все еще оставалось за немцами и, видимо, зная (из каких-то источников) о неоднозначности взглядов среди руководства Германии на характер военных действий летом 1942 года, Сталин принял единственно правильное в той обстановке решение: любыми путями направить основные силы немцев на Юг. **Вполне вероятно, этими мыслями и определенной имеющейся информацией он не делился ни с кем, даже с ближайшим окружением».** *(Выделено мной. – В. М.)* [4]

В действительности же все обстояло куда сложнее, так как провести несколько стратегических сражений в 1942 году у советской стороны не было больших возможностей. Нужно было выбирать один, максимум два главных удара по фашистам, чтобы перехватить у них инициативу. А конкретные бои то ли под Ржевом, то ли под Сталинградом или на других участках советских фронтов могли состояться лишь по совокупности создававшихся на них военных действий противоборствующих сторон. Ведь Ставка не могла наперед точно знать, где и как будут происходить столкновения с фашистами, в том числе как противник окончательно будет планировать свои наступления в 1942 году. Безусловно, сражения под Ржевом, а потом и под Сталинградом имели свои задачи, сроки выполнения, особенности, характер. **Но после долгих размышлений Сталин все же выде-**

лил среди двенадцати советских фронтов два основных направления возможных наступлений: западное и сталинградское, – которым противостояли крупные группы немецких армий, включавшие в себя войска вермахта и их союзников.

Почему? На это у него имелись достаточно серьезные основания. Он всегда помнил, что на западе, совсем недалеко от Москвы – в 150 километрах, находилась сильная группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ханса Гюнтера фон Клюге. Эта сила в семьдесят полнокровных фашистских дивизий различного состава и применения как бы нависала над Москвой, готовая в любой момент начать боевые действия по захвату советской столицы. А на восток, к Волге, фашисты рвались, особенно после планов, утвержденных директивой другого верховного главнокомандующего, Гитлера, за **№ 41 от 5 апреля 1942 года**, для того чтобы нарушить поставки нефти из Баку, отрезать восточную территорию СССР, откуда шло снабжение Красной армии многим, в том числе и горючим. Из-за той же нефти фашисты отчаянно стремились захватить Кавказ. И эти, как оказалось впоследствии, два направления их наступления (Сталинград и Баку) стали для гитлеровцев главными целями летом сорок второго года. При таком раскладе у советского главнокомандующего не было права на ошибку в выборе стратегии дальнейших действий советских Вооруженных сил. Здесь все зависело от того, насколько тщательно

Ставка ВГК, Генштаб Красной армии, тыл страны проведут подготовку к дальнейшему противостоянию частям вермахта, особенно в ее военно-экономической составляющей, направленную на сосредоточение всех сил Советского Союза для дальнейшего отпора агрессии, дабы обеспечить победный перелом в ходе Великой Отечественной войны.

С другой стороны, для сдерживания наступательного прорыва вражеских войск на западном направлении советских фронтов командованию Красной армии **требовалось постоянно иметь под Ржевом достаточное число дивизий, танков, авиации и боеприпасов, чтобы быть спокойным за столицу.** Для этого нужно было прочно удерживать в обороне на ржевском направлении дивизии немецкой группы армий «Центр», не говоря уже о не менее важных военных задачах, решение которых осуществлялось и на других советских фронтах. Понятно, что вести конкретные расчеты сил и средств для операций такого масштаба мог лишь тот военный орган, который управлял материальными средствами и резервами. В данном случае это были только Ставка Верховного Главного Командования и Генеральный штаб Красной армии.

Их военные специалисты в процессе боевых действий тщательно изучали разведывательные данные о противнике, поступавшие с фронтов, анализировали их, делали выводы о намерениях, характере действий фашистов и своих войск на конкретной территории в определенный отрезок време-

ни. Здесь же внимательно изучались поступавшие в Ставку ВГК соображения командующих фронтами, видами Вооруженных сил и родами войск, их штабов и др. Характеристику деятельности этих руководящих военных органов в тот период особо выделял **генерал армии Г. К. Жуков**. Вот его мнение по этому поводу: **«Еще раз повторяю: основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного главнокомандования и Генеральному штабу. Точно так же неоспоримо принадлежит приоритет в непосредственном разгроме врага тем, кто своим смелым ударом, метким огнем, мужеством, отвагой и мастерством громил не на жизнь, а на смерть врага. Я здесь говорю о наших славных бойцах, командирах, генералах, которые, преодолев тяжелые испытания первого периода войны, были накануне контрнаступления в полной готовности взять инициативу сражений в свои руки и учинить врагу катастрофический разгром. Заслуга Ставки Верховного главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершение...»**. *(Выделено мной. – В. М.)* [5]

Однако кандидат исторических наук Алексей Исаев имеет свой взгляд на ход Великой Отечественной войны: «Если

же мы попытаемся проанализировать события с опорой на ставшую доступной в 1990-е годы информацию, то сражения 1942 года предстают перед нами в совершенно другом свете. **Выясняется, что бóльшая часть Красной Армии действовала отнюдь не под Сталинградом, а на центральном участке фронта.** Такая диспозиция сохранялась не только весной 1942 года, когда о немецком плане летней кампании еще только догадывались, но и в разгар боев на сталинградском направлении. Этим 1942 год принципиально отличается от 1941 года. Если в первый год войны стратегическая инициатива полностью принадлежала противнику, то 1942 год ознаменовался напряженной борьбой за нее. Вследствие большой протяженности фронта южный, центральный и северный секторы советско-германского фронта представляли собой нечетко связанные театры военных действий. В сущности, московское и сталинградское направления чем-то напоминали французский и русский фронты Первой мировой войны. Отличие было лишь в том, что обе стороны имели возможность маневрировать войсками по внутренним операционным линиям. Соответственно, если на юге в 1942 году инициатива в весенне-летней кампании принадлежала противнику, то на центральном участке фронта инициативой безраздельно владела советская сторона. Вопреки тезису о пассивной стратегии Верховного командования Красной Армии, якобы пытавшегося угадать направление наступления противника и построить на этом свои пла-

ны, основной идеей советского плана кампании 1942 года было наступление с решительными целями. Задачей было не “угадать – остановить – победить”, а **разрушить планы противника и реализовать свои собственные**. И в таком формате советские войска добились определенных успехов: наступление в Сухиничском выступе и под Ржевом летом 1942 года сорвало немецкие планы по срезанию выступов фронта в полосе группы армий “Центр”. Кроме того, **замалчивание операций на западном направлении было попросту неэтичным по отношению к тем людям, которые сражались и гибли в позиционных боях на московском направлении**». *(Выделено мной. – В. М.)* [6]

Но далее он же делает довольно пессимистический вывод: «Что же стало причиной замалчивания или крайне невнятного описания действий фронтов западного направления? Ответом на этот вопрос является линия фронта, почти не изменявшаяся в течение года. Военачальникам попросту нечем было похвастаться. Поставленные Ставкой ВГК задачи систематически не выполнялись, и сражения переходили в формат позиционных боев за “избушку лесника”. **Это явление в свое время не получило объективной оценки стороннего, не имевшего идеологических шор наблюдателя...**». *(Выделено мной. – В. М.)* [7]

Однако с таким взглядом решительно не соглашается Арсен Мартиросян: «**Ржевские операции были одним из крупнейших вкладов сражавшихся на этом фронте**

советских солдат и офицеров, военного командования и лично Верховного главнокомандующего в Великую Победу, победоносный марш к которой доподлинно начался не только от берегов Волги и предгорий Кавказа, но и под нашу же артиллерийскую канонаду на Ржевском направлении. Все операции имели строгую подчиненность единому замыслу и адекватные ему цели на каждом этапе. Сталин четко нацелился на то, чтобы сломать хребет нацистскому зверю именно в глубине России, – к глубокому сожалению, иначе не вышло, тем более после того, что случилось 22 июня 1941 года, но особенно же весной 1942 года». (Выделено мной. – В. М.) [8]

Основываясь на открывшихся архивных данных, новых фактах, мнениях других исследователей истории войны, можно сделать вывод, что действия под Ржевом и Сталинградом **в надежде на будущий успех Ставке ВГК было необходимо совершать только в совокупности единого замысла, а не простого совпадения по времени тяжелейших сражений Западного фронта с действиями фронтов под Сталинградом.** То есть тот стратегический замысел, который начал появляться в размышлениях Главковерха, был с самого начала как минимум двуединым: **«Ржев – Сталинград».** Одна его часть без другой не могла быть приведена в жизнь, так как действия советских войск снова оказались бы менее эффективными, чем вражеские. А

вот где и как провести финальную часть этого общего стратегического замысла, нужно было еще много думать.

Будущие боестолкновения, особенно под Ржевом, без сомнения, тщательно планировались Ставкой, утверждались Верховным главнокомандующим в соответствии с реально создававшейся в ходе сражений обстановкой на различных участках Западного и Калининского фронтов. И в настоящее время становится однозначно понятно, что бои в полосе советских фронтов западного направления не были бесцельными, а тем более непродуманными, как кое-кто из исследователей пишет сегодня о боевых действиях под этим городом, а своевременно организовывались по нужному плану советской Ставкой, коль скоро финалом этого стала победа советского оружия под Сталинградом.

В известной энциклопедии **«Великая Отечественная война. 1941–1945»** каждой из трех наступательных операций на советском Западном фронте посвящена специальная статья. Но, как ни странно, в этой энциклопедии вообще не упоминается крупная завершающая наступательная операция наших войск под Ржевом, имевшая место в ноябре – декабре 1942 года и названная в документах советского командования операцией «Марс». [9]

Исследователь Второй мировой войны В. Кожин так «расшифровывал» эту сложившуюся ситуацию: «Не упоминается, по-видимому, потому что это сражение опять не было успешным. В действительности же бои, начавшиеся 25 но-

ября 1942 года на западном направлении (на неделю позднее начала операции “Уран”), имели существенное значение в ходе войны в целом и в Сталинградской битве в частности. **При этом есть все основания полагать, что оно и не было рассчитано советским Верховным главнокомандующим на очевидный успех, то есть в обязательном порядке изгнать фашистов с ржевского рубежа в указанные Ставкой сроки. Командовавший Западным направлением Г. К. Жуков об этом, по-видимому, не знал...».** *(Выделено мной. – В. М.)* [10]

Как бы в ответ на это в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович рассуждал так: «Верховный предполагал, что немцы летом 1942 года будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего – на московском и на юге страны... Из тех двух направлений И. В. Сталин больше всего опасался за московское». Г. К. Жуков, как он признает, был с ним согласен: «Я... считал, что... нам нужно обязательно... разгромить ржевско-вяземскую группировку, где немецкие войска удерживали обширный плацдарм...». **«Конечно, – заключает Георгий Константинович, – теперь, при ретроспективной оценке событий, этот вывод мне уже не кажется столь бесспорным».** *(Выделено мной. – В. М.)* [11]

Вышеприведенные выдержки из мемуаров прославленного полководца определенно говорят о том, что в полном

объеме с двуединым стратегическим замыслом Ставки ВГК «Ржев – Сталинград» он действительно **не был ознакомлен**.

Такое рассуждение может вызвать некоторое удивление. Но здесь уместно привести интересный факт. Как известно, Сталин всегда жестко спрашивал и требовал обязательного выполнения директив и приказов Ставки. А вот за неудачные сражения под Ржевом, неисполнение по ним приказов и директив никого не наказал! К тому же руководитель этих незначительных боев Г. К. Жуков в **августе 1942 года** даже был максимально повышен в должности, став вторым по рангу военачальником в структуре командования советских Вооруженных сил – **заместителем Верховного главнокомандующего**. Не странно ли это? Почему так случилось, автором этой книги более подробно будет рассказано дальше, а здесь лишь можно отметить еще, что если о сражениях под Ржевом, например, в учебниках истории, энциклопедиях и др. говорится мало, как бы с трудом, то это совсем не значит, что тяжелейших боев там не было вовсе!

Более того, можно отметить, что сражения под этим старинным русским городом, расположенным, кстати, как и Сталинград, на берегу Волги, шли непрерывно весь 1942 год, что также является делом далеко не случайным. В результате того, что в настоящее время постепенно раскрываются секретные архивные документы, оказалось, что важнейший стратегический замысел советской Ставки ВГК на боевые

действия с фашистами в 1942 году **имел третью составляющую** этого тонкого, коварного, умного и, в конце концов, победного замысла. Речь идет об успешной операции советских контрразведчиков под кодовым наименованием **«Монастырь»**. Только в совместном ее проведении с двумя вышеназванными операциями – **«Уран» (под Сталинградом) и «Марс» (под Ржевом)** – и состоит суть героической борьбы советских воинов на так называемом **Ржевском плацдарме**. Но эта часть **триединого замысла**, операция **«Монастырь»**, ранее была совершенно секретной и являлась полностью закрытой для исследователей. А сегодня самый беспристрастный хранитель всех тайн – *время* – только начинает приоткрывать свою завесу над ней.

Так зарождался и станет боевой практикой Тайный фронт будущего маршала Сталина. Кстати, советский вождь именно за Сталинградскую битву получил это высокое военное звание. Как же такое могло случиться, что о ней, третьей составляющей части стратегического замысла Ставки ВГК, вместе с двумя другими названными операциями советских войск, **«Уран» и «Марс»**, приведших к коренному перелому в Великой Отечественной войне, не знали высшие советские военачальники и те, кто, в общем-то, и проводил операцию **«Монастырь»** в жизнь? Ведь при этом возникает другой, сам собой напрашивающийся вопрос: а что же такого мог замыслить И. В. Сталин, что даже его ведущий военный советник,

Г. К. Жуков, не знал в полном объеме о той стратегической идее, которая объединяла в том числе и проводимые под его непосредственным руководством войсковые операции на Западном и Калининском фронтах? Как же все происходило под Ржевом и Сталинградом? Могло ли такое быть? **Могло!** Тайный фронт Сталин смог реально организовать, а потом, в том числе и с его помощью, победить в Сталинградской битве. Однако обо всем по порядку...

Ответ на вышеперечисленные вопросы, пожалуй, нужно начинать издалека, как, впрочем, и всякий рассказ о стратегии и тактике действий советских Вооруженных сил, так как важнейшую роль в планировании нового замысла Ставки ВГК **весной 1942 года**, как ни странно, сыграла... операция немецких разведчиков под кодовым названием «**Кремль**». Именно она подтолкнула Сталина к действиям, о которых подробнее будет рассказано дальше и которые должны были способствовать реализации не менее коварного и хитрого замысла, чтобы навсегда расщитаться с фюрером, принявшим советского Верховного главнокомандующего, как говорят ныне, за «лоха» в военном деле.

Что же гитлеровцы хотели получить при проведении своей новой операции на московском направлении? Напомню читателям, что в **мае 1942 года** штабом немецкой группы армий «Центр» был разработан и внедрен в жизнь план нового наступления на Москву. Он должен был скрыть подготовку гитлеровцами операции «Блау» («*Синяя*» – В. М.)

– летнего и главного наступления частей вермахта на юго-восточном участке германо-советского фронта. А также оттянуть как можно больше сил и средств Красной армии с юга СССР под Ржев, на защиту Москвы, чтобы фашистам можно было быстрее добраться до нефти Кавказа. Гитлеровское командование старалось сделать все, чтобы план операции «Кремль» стал известен высшему руководству Красной армии, включая Сталина, и повлиял на их дальнейшие планы ведения войны, так как он являлся... ложным! Он был прямо направлен на дезинформацию советского командования. [12]

К таким приемам немецкое руководство прибегало давно. И не только в отношении СССР. Фабрикацию и распространение нужных ей слухов, дезинформации и т. д. Германия организовывала еще до начала агрессии против Советского Союза. Для исполнения задуманного подключались лучшие специалисты немецкого МИДа, министерства пропаганды, абвера (*военная разведка и контрразведка нацистов*), службы безопасности и верховного командования Германии – ОКВ (*верховное командование вооруженных сил Германии*) и ОКХ (*верховное командование сухопутных войск*).

Координирующим центром такой дезинформации было «Бюро Риббентропа», руководящая роль в котором принадлежала штандартенфюреру СС Рудольфу Ликусу. Немецкие специалисты тайных дел готовились использовать любой удобный повод, чтобы найти свой путь к советскому руко-

водству. **Один из таких моментов ими в свое время был найден и удачно использован.**

Еще в **сентябре 1939** года в Берлин резидентом внешней разведки был назначен первый заместитель наркома внутренних дел Украины **А. З. Кобулов**. Он родился в 1906 году в Тбилиси. Окончив пять классов коммерческой школы, Амаяк Захарович длительное время работал кассиром и бухгалтером на мелких предприятиях, а в 1927 году был принят на службу в органы безопасности Закавказья по протекции старшего брата **Богдана Кобулова**, уже занимавшего крупный пост в НКВД.

<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/ru/.jpg>

После десяти лет чекистской службы в различных городах Кавказа фортуна улыбнулась Амаяку *(на снимке)*: он стремительно взлетел и приземлился в кресло врид (временно исполняющего должность) наркома НКВД Украины. Это-

му способствовала огромная нехватка чекистских кадров, на которые обрушились чистки и репрессии 1930-х годов.

Об этом (распространении дезинформации) подробно рассказывается в книге **А. Вайса «Как СД морочило голову Сталину»**. Вот небольшая выдержка из нее: «Не имевший оперативного опыта разведчика, не владевший немецким языком, амбициозный и недалекий Амаяк Захарович в Берлине быстро “засветился”. Вскоре после своего приезда на приеме, устроенном в честь советского наркома Ивана Тевосяна, он стал виновником пьяного скандала, настолько шумного, что этим событием было привлечено внимание немецкой контрразведки, “опекавшей” советских дипломатов. Затем – новая непростительная оплошность: резидент вызывает на randevу среди бела дня главу берлинской организации антифашистов **“Корсиканца”** (советника германского министерства экономики **Арвида Харнака**) и приезжает на “конспиративную встречу” в сопровождении переводчика и охранника – целой делегацией! Лишь промашка гестаповской “наружки” уберегла тогда главу “Красной капеллы” от провала...» [13]

Для того чтобы немецкая искаженная информация могла попасть совершенно точно на стол к вождю СССР, немецкие спецслужбы свели непрофессионального советского резидента в Берлине Амаяка Кобулова со своим человеком – **Орестом Берлинксом**, двадцатисемилетним собственным корреспондентом рижской газеты «Бриве земе» в Берлине,

который стал для нового советского резидента главным информатором, чем особо гордился. Именно гестапо специально подвело журналиста к Кобулову, за которым уже давно и пристально наблюдало. Его болтливость и честолюбие ни для кого не были секретом. И советская «рыбка» – **А. Кобулов, секретарь полномочного представительства СССР в Германии в ранге первого советника, одновременно до 1941 года возглавлявшего постоянную агентурную сеть НКВД СССР (агентурная кличка – «Захар»)**, – на радостях, что «успешно» ведет работу на новом поприще разведчика, заглотила предложенную наживку. Через «Лицеиста», а такой псевдоним получил пособник фашистов О. Берлинке, в Москву пошел поток качественной дезинформации. Сам корреспондент был даже включен в агентурную сеть НКГБ.

Зная, что Кобулов является резидентом НКВД и братом заместителя наркома внутренних дел Богдана Кобулова – человека из ближайшего окружения Берии, – **штандартенфюрер СС Ликус** (из «Бюро Риббентропа») организовал подготовку ложных сообщений с привлечением высших государственных деятелей Германии. Он надеялся (и не ошибся в своих расчетах), что информация от «Лицеиста» будет докладываться военно-политическому руководству СССР. В подготовке этих данных принимал личное участие Риббентроп и все докладывал Гитлеру. Только с согласия фюрера, а нередко и с его поправками, информация шла к Ликусу, да-

лее к Оресту Берлинксу – «Лицеисту», потом к А. Кобулову, Берии и наконец к Сталину.

Риббентроп в своем бюро на одном из докладов «Лицеиста» поставил характерную резолюцию: **«Мы можем накачать агента тем, чем мы хотим»**. До 1941 года через него спецслужбы Германии передавали Сталину верные данные, а потом пошла доля серьезной дезинформации. В результате этого, наверное, советский вождь считал, что большинство данных его разведчиков, сообщавших о подготовке Германии к нападению на СССР, – блеф. [14]

Вот так, постепенно и аккуратно, немцы подвели Сталина к своей важной разработке – операции под кодовым наименованием **«Кремль»**. Как уже говорилось выше, она была использована позже, уже в ходе фашистской агрессии, штабом группы армий «Центр» и предназначалась для тех же целей – введения в заблуждение советского командования.

Главным звеном этой операции был ложный приказ о наступлении на Москву в начале лета 1942 года. Под него фашисты проводили соответствующие тщательно продуманные мероприятия, которые должны были обязательно попасть в поле зрения советской войсковой разведки, а далее – опять же к руководству СССР. Германский генеральный штаб решил создать у советского командования стойкое впечатление, что войска вермахта вот-вот развернут мощное наступление на западном направлении для разгрома Западного фронта Красной армии и захвата Москвы. Было сделано

все, чтобы план операции «Кремль» стал известен русским. И этого удалось добиться.

Но для многих фашистских генералов план операции «Кремль» также был секретным. Очевидно, по этой же причине отсутствуют прямые ссылки на операцию «Кремль» и в «Дневнике» генерал-полковника Франца Гальдера (Franz Halder), начальника немецкого генштаба сухопутных сил. В нем можно найти лишь косвенные данные, проливающие свет на эту задумку фашистов.

Так, **3 мая 1942 года** он записал, что провел совещание с первым обер-квартирмейстером и генерал-квартирмейстером генерального штаба по поводу «сохранения в тайне операции “Блау”». 12 мая он внес в дневник такую запись: «Генерал Велер представился в качестве начальника штаба группы армий “Центр”. Получает указания от меня и от фюрера». А в записи от 18 июня можно найти уже более конкретные данные: «Генерал Велер (начальник штаба группы армий “Центр”). Обсуждение нерешенных вопросов... План группы армий по выполнению предстоящих задач. **Введение противника в заблуждение...**». *(Выделено мной. – В. М.)* [15]

В конце 1941 года гитлеровцам не удалось осуществить свои планы по окружению и захвату советской столицы. Им не удалось разрушить Москву и с воздуха. В тот период войска группы армий «Центр» оказались обескровленными и были не в состоянии продолжить наступление. Операция

«Тайфун» не достигла своих целей. И вот в 1942 году по плану новой операции «Кремль» фашисты якобы хотели осуществить то, что им не удалось сделать в прошлом году. Этим-то они и думали напугать Сталина, а заодно и перетасовать все планы боевых действий Красной армии весной – летом 1942 года.

Для этого предусматривалось осуществить целый комплекс дезинформационных мероприятий: произвести аэрофоторазведку московских оборонительных позиций, окраин Москвы, районов Владимира, Иванова, оборонительных позиций, проходящих от Пензы через Алатырь к Козьмодемьянску, а также укреплений на Волге от Вольска до Казани; организовать радиодезинформацию; усилить переброску агентов через линию Тула – Москва – Калинин; размножить планы Москвы и других крупных городов, расположенных в полосе наступления группы армий «Центр», и разослать их с 10 июня 1942 года вплоть до штабов полков. Отпечатать в массовом количестве «в соответствии с намечаемой операцией» листовки, предназначенные для разбрасывания в расположении советских войск, и распределить их после 10 июня по штабам полков. Подготовить новые дорожные указатели «вплоть до целей наступления»; провести перегруппировку и ложные переброски войск, передислокацию штабов и командных пунктов, подвоз переправочных средств к водным преградам и прочее. По времени все эти мероприятия фашистское командование тесно увязыва-

ло с подготовкой и осуществлением будущей основной летней операции «Блау».

Так, в полосе 2-й танковой и 4-й армий группы армий «Центр» они должны были «достигнуть кульминационной точки» 23 июня, а в полосе 3-й танковой и 9-й армий – 28 июня. «Затем, – указывалось в приказе по группе армий от 16 июня, – эти мероприятия проводить с той же интенсивностью еще несколько дней. В последующие дни они должны идти постепенно на убыль: во 2-й танковой армии и 4-й армии до 1.7, в 3-й танковой армии и 9-й армии до 5.7». (См. ниже документ № 8 немецкого «приказа» о наступлении на Москву.)

Приводимые здесь документы показывают, на какие хитрости шли фашисты, чтобы скрыть свои истинные замыслы, сколь тщательно и до каких мельчайших деталей они разрабатывали обманные мероприятия. Эти документы говорят также о том, как внимательно требовалось советскому командованию подходить к оценке сведений о противнике, будь то захваченные документы или данные разведки. Как было важно на основе анализа имевшихся сведений и сопоставления данных, поступивших из разных источников, составить правильное представление о намерениях врага, сделать из этого надлежащие выводы и противопоставить вражеским замыслам собственные правильные решения.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА

Документ № 1

Штаб, 29.5.1942 г.

Командование группы армий «Центр»

Оперативный отдел, № 4350/42. Документ командования. 22 экземпляра. 20-й экземпляр. Совершенно секретно!

Содержание: «Кремль»

Передавать только офицером

Приказ на наступление на Москву

(карта 1:1000 000)

1. Главное командование сухопутных войск отдало приказ о возможно скорейшем возобновлении наступательной операции на Москву. Целью операции является разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и этим самым лишить противника возможности оперативного использования этого района.

2. О положении противника перед фронтом группы армии «Центр» смотри в приложении 1.

3. Задачи:

а) 2-й танковой армии разбить войска противника южнее Москвы, отрезать Москву с юга, юго-востока и наконец с востока. С этой целью армии, наступая из района Орла и севернее его, прорвать позиции противника, продвинуться на восток вдоль Оки в общем направлении Сталиногорск, Тула и, форсировав Дон, создать на нем пока предмостные

укрепления. Боевой порядок – уступом вправо! Дальнейшее направление наступления армии будет указано позже. Привести в готовность в первую очередь подвижные части, которые следует по приказу выдвинуть далеко вперед.

б) 4-й армии окружить и уничтожить силы противника, находящиеся на выступе в районе Сухиничей. С этой целью армии наступать ударной группой, подчиненной командиру 53-го армейского корпуса, из района Болхова вдоль обоих берегов Оки в северном направлении, а из района западнее Юхнова по возможности крупными силами в юго-восточном направлении на Калугу. После прорыва позиций противника бросить на обоих операционных направлениях подвижные части на Калугу. Северной ударной группировке быстро занять Юхнов и обеспечить северный фланг по реке Угра.

С началом наступления 4-й армии принять командование над соединениями и частями, подчиненными 53-му армейскому корпусу, для ведения наступления на Калугу и оперативной группе «А» для временной обороны (см. приложение 2). В период подготовки наступления эти силы руководствуются указаниями командующего 4-й армией.

в) 3-й танковой армии окружить Москву с запада, а затем так же с севера, прикрывая одновременно направление Ярославль, Калинин. Для этого армии, наступая из района Гжатск, Зубцов, прорвать фронт противника и, стянув на северный фланг подвижные войска, продвинуться в направлении Москвы. Необходимо своевременно занять подвижные

ми частями Клин и переправы через Волжское водохранилище. Подтянутыми пехотными соединениями обеспечить прикрытие северного фланга на участке Шоша, Волжское водохранилище.

Части 9-й армии, поступающие с началом наступательной операции в распоряжение 3-й танковой армии, в период подготовки наступления руководствуются указаниями командующего 3-й танковой армией.

г) 9-й армии и 59-му армейскому корпусу оставаться в обороне и сковывать находящиеся перед их фронтом войска противника ограниченными наступательными действиями. О порядке передачи войск из состава 9-й армии в 3-ю танковую армию для проведения наступления смотри приложение 2...

11. Выдачу карт, схем и аэрофотоснимков района Москвы в целях сохранения тайны производить пока только до штабов корпусов (включительно).

12. К работе над оперативными документами в командных инстанциях допустить ограниченный круг штабных офицеров. Всю переписку, связанную с этой операцией, вести под кодовым наименованием «Кремль».

Фон Клюге

ДОКУМЕНТ № 8

Совершенно секретно!

Штаб, 16 июня 1942

Командование группы армий «Центр». 22 экземпляра

Оперативный отдел, № 4980/42 14-й экземпляр

Совершенно секретно. Документ передавать только через офицера!

Документ командования!

Основание: 1) Приказ группы армий «Центр», 1а, 4350/42.

Совершенно секретно. Документ командования, 29.5.1942;

2) Приказ группы армий «Центр», 1а, 1с, А. О., № 4570/42.

Совершенно секретно. Документ командования, 3.6.1942

Содержание: «Кремль»

1. День «Х» – 23.6.42.

2. Мероприятия, связанные с операцией «Кремль», проводить так, чтобы они достигли кульминационной точки в полосе 2-й танковой армии и 4-й армии 23.6, а в полосе 3-й танковой армии и 9-й армии 28.6. Затем эти мероприятия проводить с той же интенсивностью еще несколько дней. В последующие дни они должны идти постепенно на убыль: во 2-й танковой армии и 4-й армии до 1.7; в 3-й танковой армии и 9-й армии до 5.7.

*За командующего группой армий
начальник штаба Велер*

Расчет рассылки: как и в приказах, указанных в пунктах 1 и 2 основания.

Архив Министерства обороны. Ф. 6598. Оп. 393761.

Теперь следует сказать о летнем плане «Блау», который прикрывала фальшивая операция «Кремль». **5 апреля 1942 года** верховное главнокомандование фашистской Германии издало **директиву № 41** о проведении очередной летней кампании. Она, как и другие подобные документы, носила совершенно секретный характер. Узнали ли о ней советские чекисты? Внимательный историк советской внешней разведки, кандидат исторических наук В. Лота сделал выборку из поступивших сведений в ГРУ (*Главное разведывательное управление*) по планам фашистов на 1942 год: «Трудно сказать, когда именно в германском генштабе приступили к разработке этой директивы (*№ 41 от 5 апреля – В. М.*), но первое донесение о планах Гитлера по весеннему наступлению на Восточном фронте поступило в Москву от лондонских источников военной разведки Красной армии 3 марта.

Агент “Гано” в тот день сообщал, что Германия “планирует весной 1942 года начать наступление в направлении Кавказа. Для этих целей Берлин добился договоренностей о направлении на Восточный фронт 16 новых румынских, 12 итальянских, 10 болгарских, 2 словацких и нескольких венгерских дивизий полного состава...”».

В тот же день, **3 марта 1942 года**, другой агент военной разведки – «**Долли**», тоже действовавший в Лондоне, доло-

жил в Москву, что:

а) Германия начнет свое новое наступление против СССР между 15 апреля и 1 мая;

б) наступление немецких войск не будет иметь характера блицкрига. Немцы намерены действовать медленно, но успешно...

15 марта агент «Долли» сообщил о содержании бесед японского посла в Берлине с министром иностранных дел Германии Риббентропом, которые состоялись 18, 22 и 23 февраля. В этих беседах Риббентроп заявил, что Восточный фронт стабилизирован. На вопрос японского посла, когда следует ожидать весеннего наступления на Восточном фронте, немецкий министр ответил, что «план летней кампании разрабатывается генштабом. Пока точную дату начала наступления он сообщить не может, но в общих чертах план тот же, о котором японскому послу говорил Гитлер в личной беседе.

В операциях Германии против СССР в 1942 году перво-степенное значение будет играть южный сектор Восточного фронта. Именно там начнется наступление, а сражение развернется к северу».

Далее агент сообщал, что, по данным японского посла, в Берлине немцы планируют отрезать СССР от внешней помощи, расширить наступление на юге, включая захват всего Донбасса и Кавказа. Если же не удастся, как заявил Риббентроп, совершенно сломить советский режим, то после летне-

го наступления СССР потеряет всякое значение и силу...

В конце марта, в апреле и мае Разведуправление продолжало получать уточняющую информацию от руководителей своих зарубежных резидентур о планах немцев. 31 марта агент «Гано» сообщил в Москву: «По данным источника из Берлина, заслуживающего доверия, план немецкого наступления на Восточном фронте предусматривает два направления:

1) **Удар на Ленинград** для подкрепления Финляндии и разрыва связей и поставок в СССР через Белое море.

2) **Наступление на Кавказ**, где главное усилие предвидится в направлении на Сталинград и второстепенное – на Ростов и, кроме того, после захвата Крыма – на Майкоп.

Главная цель наступления – захват Волги на всем ее протяжении. На западном берегу немцы намерены поставить сильные укрепления. Относительно действий на центральном участке фронта в немецком штабе были разногласия. Одни предпочитают нанести лобовой удар, другие – ликвидировать Москву путем обхода».

Как отмечено выше, **директиву № 41 Гитлер утвердил 5 апреля.** Данные агентов военной разведки «Долли», «Гано» и Шандора Радо позволяют утверждать, что основные положения этого секретного документа стали известны в Москве **значительно раньше.** Такие парадоксы возможны только в разведке. [16]

Таким образом, к 11 апреля 1942 года генеральный штаб

немецких сухопутных войск разработал на основе директивы № 41 приказ о проведении операции «Блау» на южном крыле советско-германского фронта. Началась их организационная подготовка к предстоящим боевым действиям, а также усиление и перегруппировка немецких войск Восточного фронта. Основные силы немецко-фашистской армии были направлены в группу армий «Юг», о чем свидетельствует следующая таблица.

Наименование объединения	Количество дивизий на 01.04.1942	Количество дивизий на 01.07.1942	Изменение
Северный участок фронта	26	25,5	-0,5
Группа армий «Север»	36	34,5	-2,3
Группа армий «Центр»	77,3	66	-11,3
Группа армий «Юг»*	64	97	+33
Резерв ОКХ	6	7,5	+1,5
На восстановлении на советско-германском фронте	7,5	6,5	-1
Всего на советско-германском фронте	217	237	+19,3

Из таблицы видно, что за период с апреля по июль

1942 года количество действовавших на советско-германском фронте вражеских дивизий возросло на 19 соединений. За это же время состав группы армий «Центр» сократился более чем на 11 дивизий, а группы армий «Юг» увеличился на 33 дивизии. Последнее было достигнуто за счет переброски на южное крыло фронта новых соединений с запада, а также с других участков советско-германского фронта, в том числе 7 дивизий и управления 4-й танковой армии из группы армий «Центр». Летом 1942 года гитлеровское военное руководство не располагало уже достаточными силами, чтобы наряду с осуществлением главной операции «Блау» на южном крыле советско-германского фронта нанести даже отвлекающий удар войсками группы армий «Центр» на московском направлении. В связи с этими же обстоятельствами фашистское высшее командование стремилось вести свои боевые действия против русских так, чтобы они, особенно на западном направлении советских фронтов, сосредоточили максимальное количество частей Красной армии и резервов, чтобы исключить их передислокацию под Сталинград или на Кавказ против частей немецкой группы армий «Юг», облегчая тем самым выполнение планов фашистов на лето 1942 года. **То есть «сидение» воинских частей на захваченных рубежах под Ржевом как с той, так и с другой стороны было необходимо, чтобы у соперников не было возможности за счет передислокации дивизий усилить тот или иной участок своих фронтов.**

Над всеми полученными данными, пока еще не началось летнее наступление фашистов в соответствии с планом директивы № 41, очевидно, долго размышляли специалисты Генштаба Красной армии, а также и Верховный главнокомандующий.

В конце концов, как поняли советские генералы, он все-таки склонился к тому, чтобы **летом 1942 года сосредоточить главные силы на защите Москвы**. Военные, естественно, согласились с решением своего Главковерха – не могли ему перечить, но в разговорах между собой, наверное, осторожно делились мнениями о военной некомпетентности вождя. Некоторые из них резонно предполагали, что фюрер должен в первую очередь пойти на Кавказ, за нефтью. Вот именно в этот момент Сталин сложил хорошую «фигу» для Гитлера, как, впрочем, и для своих генералов. Он решил настойчиво показывать немцам, что **советская Ставка якобы следует замыслу их фальшивки – операции «Кремль»**, и с мая 1942 года во всеоружии стал готовиться к отражению нового наступления фашистов на Москву, планируя организовать прочную оборону столицы СССР, чтобы не пустить фашистов далее Ржевско-Вяземского плацдарма, и даже снял часть войск с других фронтов, чтобы направить их под Ржев. А сам продолжал планировать новый замысел, размышляя, как и в какой момент лучше перехватить стратегическую инициативу у гитлеровцев в 1942 году.

Предложений по планированию стратегии советских Вооруженных сил на весну и лето 1942 года представлялось в Ставку ВГК несколько. Но для себя Верховный согласился с тем, что:

◆ во-первых, **нужно было найти свои пути ответной дезинформации Гитлера о планах советского командования.** И этим основательно запутать его и генералов вермахта;

◆ во-вторых, **требовалось выявить самый слабый участок немецкого Восточного фронта.** Затем сосредоточить там резервы Ставки ВГК и в нужное время с максимальной возможной силой ударить именно на этом участке;

◆ в-третьих, **все время держать в напряжении наступлениями Западного и Калининского фронтов немецкую группу армий «Центр», создавая видимость подготовки здесь главного удара Красной армии в 1942 году,** с задачей не дать возможности перебрасывать части вермахта из-под Ржева куда бы то ни было, включая и помощь 6-й полевой армии Паулюса под Сталинградом.

Так начал реально действовать Тайный фронт маршала Сталина. Советский Верховный главнокомандующий много времени проводил над картами своих и немецких фронтов, продолжал внимательно выслушивать военных советников, фронтовиков, работников тыла, чтобы потом прийти к бесспорному выводу, **что немцы быстрее могут найти себе могилу в глубине России, возможно, под Сталингра-**

дом, куда так стремятся, а потом и на Кавказе, поневоле «размазывая» свои части по огромной территории СССР.

Ведь при таком положении вряд ли у них получится своевременно обеспечить свои дивизии всем необходимым для боевых действий по этим растянувшимся тылам. Кроме того, у гитлеровцев уже не хватало своих резервов, коль скоро они согласились разместить на своем Восточном фронте армии и дивизии союзников: **Италии, Румынии, Венгрии, Словакии и других.**

Вот почему дезинформация фашистов в операции «Кремль» стала сильным толчком к действиям Верховного: **дать в ответ фюреру нестандартный стратегический замысел боевых действий советских войск в 1942 году, который в дальнейшем смог бы привести к перехвату стратегической инициативы из рук фашистских агрессоров.**

Кроме всего прочего, советского Главковерха, когда он внимательнее познакомился и полностью разобрался с фальшивкой о якобы готовящемся скором наступлении фашистской группы армий «Центр» на Москву, особо задело за живое то, что противник посчитал его за неумеху в военном деле, за простачка, если не сказать хуже. Из добытых советскими разведчиками данных он ясно видел, что планы предполагаемого захвата столицы не только не соответствовали действительности, но как бы искажались, преувеличивались.

Будто специально для него, Верховного главнокомандующего, сообщалась неверная информация с целью запутать советское командование, чтобы фашистам было легче вести наступление на юге советской страны – на Сталинград, Кавказ и др. И в этом случае, разумеется, такой обман не мог не заставить выиграть восточный характер Иосифа Джугашвили, все решительное коварство «азиата» (как иногда называли советского вождя руководители западных стран), которое в дальнейшем отразилось самым успешным образом на действиях советской стороны.

Не таким простым человеком был Иосиф Виссарионович, который к годам Великой Отечественной войны прошел десятилетия испытаний в борьбе с царской охранкой, непосредственно участвовал в Гражданской войне, защищая молодую Советскую Республику на ответственных должностях, руководил строительством социализма в СССР и т. д. На базе своего полученного опыта он лучше других видел в поступках людей тот глубинный пласт намерений, который не могли иной раз разглядеть, понять даже самые опытные его соратники. И в годы войны Сталин вовремя раскусил намерения фюрера, который так нерасчетливо и грубо подбросил ему неудачно скроенную фальшивку с таким близким для Иосифа Виссарионовича названием операции – «Кремль». В ответ на ловкий ход противника он приходит к воистину гениальному заключению в стратегической борьбе с другим верховным главнокомандующим – Гитлером.

Все хорошо обдумав, Сталин принял решение дать свой ответ фашистам. И поэтому он стал серьезно... подыгрывать противнику, правильно поняв, что лучшей разрушительной силой обмана может быть только обратная искусная ложь на своем Тайном фронте. Но такое может случиться лишь в том случае, если фашисты уверуют, что советское командование примет их искаженные данные за чистую монету. Сталину в ответ нужно было также снабдить противника неверными данными в интересах дальнейших и успешных действий советской Ставки ВГК. При таком ответном обмане фашистское командование, и в первую очередь Гитлер, конечно, будет вынуждено принимать неправильные решения на своих фронтах. Между противниками наступал период жестокой борьбы по типу «кто кого перехитрит».

Первое, что сделал Верховный для достижения новой цели, подыгрывая операции «Кремль», – сознательно допустил широкое обсуждение в Генштабе, Ставке, с командующими фронтами, военными специалистами того, как лучше защитить Москву, среди других планов ведения войны на весенне-летний период 1942 года, напоминая всем, что **защита столицы становится главной задачей**. Общеизвестно, что чем шире состав привлеченных к обсуждению чего-нибудь тайного, а тем более совершенно секретного, тем больше вероятность утечки информации. Даже без помощи шпионов, просто по безалаберности и разгильдяйству, связанным с «тихим» обсуждением этих планов. Кроме того,

конкретные подтверждения того, что советский Верховный главнокомандующий как бы идет по неверному пути, фашисты видели по данным своей агентуры. Абвер докладывал высшему командованию, что советские танки, самолеты, другая техника активно концентрируются на московском направлении.

Гитлеровцы радостно потирали руки, когда фиксировали плоды своей работы по операции «Кремль». Они специально при каждом удобном случае продолжали настойчиво трубить, что основной и почти что единственной целью частей вермахта в 1942 году по-прежнему остается Москва. Исследователь Н. Гришин пишет: «С большой уверенностью можно предположить, что **Директива ОКВ № 41 от 05.04.1942 года** (*стратегический план на 1942 год*) также нашла место в сейфе Верховного. Мне кажется, что Сталин очень тонко (в виде просчета) начал подыгрывать гитлеровской дезинформации... Все делалось для того, чтобы направить фашистские полчища в степные бескрайние просторы юга и в горы Кавказа. А там, измотав и обескровив их, путем неожиданного контрудара разгромить вклинившуюся группировку». [18]

Немецкая же сторона, как констатировал начальник штаба верховного главнокомандования Вооруженными силами Германии **генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель**, по этому поводу планировала свои действия так: «Суть оперативно-стратегического замысла фюрера заключалась в

следующем: на подготовительном этапе операции следовало **ввести русских в заблуждение, связать их резервы и перерезать коммуникации, обозначив Москву главной целью летней кампании.** Затем, примерно на полпути между русской столицей и излучиной Северского Донца, совершить стремительное захождение на юг, вверх по течению Дона. В случае успешной реализации планов наступательной операции нам бы удалось не только захватить Донбасс и кавказские нефтепромыслы, но и перерезать Волгу, главную транспортную артерию, по которой, собственно, и осуществлялось снабжение бакинской нефтью русских армий, дислоцировавшихся в центральных регионах СССР. Союзные нам Румыния, Венгрия и Италия должны были выставить около 30 дивизий для прикрытия северного фланга фронта немецкого наступления и в случае необходимости удерживать оборону на рубеже реки Дон...». *(Выделено мной. – В. М.)* [19]

Вот почему Сталину нужно было обязательно показать фашистам, что он, уяснив их якобы реальный замысел, стал активно укреплять резервами советские войска, **которые занимали рубежи на Западном и Калининском фронтах,** а также планирует дальнейшие наступления под Ржевом с целью ликвидации ржевского выступа и последующего захвата Смоленска, Вязьмы, Великих Лук и других населенных пунктов. Более того, советскому Верховному главнокомандующему нужно было убедить Гитлера еще и в том, что у **Красной армии действительно стало не хватать**

резервов для успешного обеспечения обороны Москвы, Кавказа и Сталинграда одновременно. Поэтому он и бережет личный состав Красной армии, не вступает в решительные сражения с частями вермахта на юге (по примеру русского полководца 1812 года князя Михаила Кутузова), смирился с тем, что фашисты развивают наступление, а СССР претерпевает огромные трудности по защите своей страны. Наступала пора основной операции фашистов – «Блау», – которая планировалась на начало лета, но в действительности началась только **28 июня 1942 года**.

Теперь доподлинно известно, что по задачам этого нового плана предусматривался разгром советских войск на ослабленном южном фланге советско-германского фронта в два этапа. Прежде всего предполагалось достичь успеха на воронежском направлении: для этого предназначались курская и волчанская группировки фашистских войск, которые наносили удар по стыку Брянского и Юго-Западного фронтов, более уязвимых как фланги, – а затем продолжать наступление на Сталинград и Кавказ.

Глядя на карту, где стрелы фашистского наступления показывают основные цели плана «Блау», убеждаешься в том, что Воронеж в директиве № 41 был определен как один из важных пунктов. **Но дальше Воронежа, чтобы, например, окружить Москву как бы с тыла, перерезая пути снабжения Красной армии из восточных районов Советского Союза, никаких стрел... не было. Стано-**

вилось еще более понятным, что в таком случае цели операции «Кремль» – абсолютная фальшивка. Ведь главный план наступления «Блау» совсем не предусматривал движения частей вермахта для окружения советской столицы с северо-востока. Как видно по той же карте, силы частей вермахта, ее группы армий «А» устремляются к предгорьям Кавказа и Баку. А вторая немецкая группа армий «Б» нацелилась строго на Сталинград.

Действительно, в начале июля 1942 года обходной путь на Москву через Воронеж Гитлером был «забыт». **Пауль Карель** в своей книге «**Гитлер идет на Восток (1941–1943)**» так описывает обстановку в районе Воронежа: «К тому времени даже в ставке фюрера начали понимать, что обстоятельства развиваются не в соответствии с планом. Русские быстро отходили к Дону. А если они смогут перейти реку, пока 4-я танковая армия наступает на Воронеж? В этом случае вся первая фаза операции «Блау» летит ко всем чертям. Угроза нешуточная. Нельзя терять ни минуты. Осознав ситуацию, Гитлер 3 июля пришел к совершенно верному заключению, что, продолжая ставить на первое место взятие Воронежа, он подвергает опасности провала всю операцию «Блау». Поэтому во время короткого, как вспышка молнии, посещения штаба фон Бока фюрер сказал генерал-фельдмаршалу: **“Я более не настаиваю на захвате этого города, Бок, как и вообще не считаю это необходимым. Пожалуйста, если считаете нужным, можете сейчас же**

наступать на юг...». (Выделено мной. – В. М.) [21]

Теперь у автора появляется вопрос по поводу возможностей недоучившегося семинариста: мог ли Сталин рискнуть создать глубокий стратегический замысел на 1942 год, а управление им взять в свои руки? **Дальнейшие действия советской Ставки ВГК показали, что да, смог!** Разработку такого плана подтверждает ряд других исследователей Великой Отечественной войны. Так, например, **доктор военных наук, профессор Михаил Хетчиков**, а вслед за ним крупный историк, писатель **Алексей Исаев** уже несколько лет отстаивают тезис о **наличии у Верховного командования Красной армии собственного стратегического наступательного плана кампании 1942 года, целенаправленно проводимого в жизнь и ставшего основой успехов Красной армии под Сталинградом, Ржевом и на Кавказе**. [22]

В интервью тверской газете «Караван» «Победу мы не отдадим» профессор М. Хетчиков делает справедливый вывод: «Говоря о цели операции “Марс”, ее нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от целей двух других операций. Одновременно подготовленные и проведенные по единому замыслу Ставки ВГК **три стратегические операции – “Уран”, “Сатурн” и “Марс”** – были объединены **единой целью: перехватить у немецкого командования стратегическую инициативу**. И эта цель была достигнута. – И что можно сказать об итогах “Марса”? Операция бы-

ла провальной? – Ни в коем случае. Конечно, всех поставленных задач выполнить не удалось, но основные все-таки были решены. В тяжелых оборонительных боях (*под Ржевом – В. М.*) “завязли” крупные силы германской армии, что не позволило немецкому командованию перебросить танковые соединения под Сталинград. Более того: немецкое командование вынуждено было усиливать не группировку Манштейна под Сталинградом, а 9-ю полевую армию на Ржевско-Вяземском выступе (*почти вдвое*). **Манштейн не получил ожидаемые танковые соединения с этого выступа и вынужден был отложить начало операции “Зимняя гроза” (операция по деблокированию сталинградской группировки), а затем нанести удар не с двух направлений, как планировалось, а с одного, из-за того, что сил не хватило».** (*Выделено мной. – В. М.*) [23] (*Вот тебе и «напрасные» сражения под Ржевом! – В. М.*)

Такое стратегическое противостояние особенно отразилось на боевых действиях под Ржевом. Именно под аккомпанемент активных атак против фашистов Западного и Калининского фронтов одновременно с другими советскими фронтами, в основном под Сталинградом, решались громадные комплексы сложнейших военно-стратегических задач. С одной стороны, это были планы по сковыванию и постепенному перемалыванию значительной части войск вермахта на западном направлении с целью удержать их от искушения вновь «рвануть» на Москву, с другой – происходило прово-

цирование группы армий «Юг» на все большее втягивание вглубь России (за нефтью).

Это предпринималось советской Ставкой ВГК в основном за счет не контролируемого холодным рассудком азарта преследования фашистскими войсками советских дивизий, уклонявшихся по указанию той же Ставки ВГК от всяких решительных столкновений с врагом и постепенно отходивших к Волге. На южных рубежах обороны советские войска, в противовес быстрому наступлению немцев по плану «Блау» в июле 1942 года, **начали «кутузовское» отступление, то есть заманивали фашистов вглубь страны.**

Это был настолько неожиданный тактический прием со стороны советского командования, что даже главный официальный источник информации нацистов, газета «Фелькишер Беобахтер» (*«Народный обозреватель», печатный орган НСДАП. – В. М.*), с нескрываемым удивлением описывала эту новую странную войну на Востоке, отличную от скоротечных и победных войн на Западе: **«Русские, которые до сих пор сражались упорно за каждый километр, отошли, не сделав и выстрела. Наше наступление замедляется только разрушенными мостами и авиацией. Если же советские арьергарды все же настигались, то отступавшие советские части занимали позиции, позволяющие им продержаться до темноты... Обескураживающим является вторжение в этот огромный район, когда ты не встречаешь и признака**

своего противника». (*Выделено мной.* – В. М.) [24]

В истории войн утвердилось мнение, что такой прием – отступление для победы – был исконно русским. Это была давняя тактика князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова против французских войск Наполеона. Хотя Гитлер как-то сказал своим генералам: **«Я не повторю ошибку Наполеона. Когда пойду на Москву, я выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы...».** [25]

Однако выполнить свое обещание оказалось делом далеко не простым. И план «Барбаросса» у фюрера был сорван, и зимовать фашистским войскам пришлось, и в 1942 году нужно было поступать так же, как это делали войска Наполеона, – догонять русских воинов, чтобы провести одно, но «последнее и самое решительное сражение». Не вышло...

Начальник немецкого генерального штаба сухопутных войск **генерал-полковник Франц Гальдер** также обратил внимание на гибкую тактику ведения войны советским командованием. В своем дневнике он делает такие пометки:

ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА

...9 июля 1942 года, 383-й день войны

Обстановка. Наступление южнее Дона развивается. Общее впечатление: противник удерживает позиции в районе Лисичанска и южнее Россоши, а на восточном участке от-

ходит . *Западнее Айдара, по-видимому, лишь упорно сопротивляющиеся арьергарды* . Сомнительно, удержится ли противник в Айдаре и станет ли его оборонять, поскольку мы уже пересекли Богучар в районе Талого. Решение. Продвинуть 40-й танковый корпус вдоль дороги Россошь – Ростов, а потом развернуть подтягивающиеся части подвижных соединений вниз по течению Дона в юго-восточном направлении. У противника там нет никаких новых соединений.

Северный участок фронта Вейхса снова подвергается сильным атакам. Здесь появились новые соединения (из района Тулы).

Группа армий «Центр». Сильные атаки против северного участка фронта 2-й танковой армии. **Целая группа новых соединений с танками!** Английские танки, производства 1942 года. **Значительные потери с нашей стороны.** В районе Белого обнадеживающие успехи в ходе сдавливания котла. Никаких серьезных попыток прорыва. Противник подтягивает силы к внешнему кольцу окружения...» (Выделено мной. – В. М.) [26]

Арсен Мартиросян, который, на мой взгляд, очень хорошо разобрался во многих ситуациях Великой Отечественной войны, констатирует:

«Гитлер надеялся, что мероприятия по дезинформации Сталина как Верховного главнокомандующего обязательно

должны достичь своей цели. Уж слишком много немецкая сторона вкладывала сил в свою операцию “Кремль”. И они не ошиблись. Сталин не раз колебался в принятии решений, держа в руках документы от своих разведчиков, где содержался иной раз, не по их вине, стопроцентный обман. Но сколько бы веревочке ни виться, а наконец и Сталин понял, что его по большому счету держат за дурачка, который обязательно “проглотит” все, что ему подбросят. А все началось через месяц после начала контрнаступления под Москвой. Первой же Ржевской операцией Сталин преднамеренно стал дурачить Гитлера и его генералитет, умышленно создавая у них ложное впечатление, что-де западное направление является главным в планах Москвы. Ради этого Сталин не очень-то и скрывал факт концентрации войск и резервов на этом направлении. Например, из шести резервных армий пять были около Москвы и лишь одна – в Сталинграде, о чем немцам было известно. Зато очень тщательно Сталин маскировал от гитлеровцев свои приготовления под Сталинградом и на подступах к Кавказу, а также на его горных перевалах». [27]

Однако не все исследователи придерживаются такого мнения о месте битвы под Ржевом в стратегическом замысле советской Ставки ВГК. Например, кандидат исторических наук М. Мягков пытается уточнить: «Здесь мы подходим к ключевому вопросу о значении, которое советское военное руководство придавало операции “Марс”. Есть все ос-

нования полагать, что фронтовое командование, а значит, и сам Жуков, назначенный координировать действия наступающих группировок, ставили перед собой самые решительные цели. Немецкий нож, застрявший на центральном участке советско-германского фронта всего в 150 километрах от Москвы, необходимо было во что бы то ни стало сломать и уничтожить. Об этом свидетельствуют и сами документы фронтов: «В целях ликвидации Ржевского выступа, – говорилось в отчете об операции, – командование фронтом (Западным) в октябре месяце 1942 года наметило операцию, которая во взаимодействии с Калининским фронтом должна была привести к окружению Ржевской группировки противника, взятию Ржева ударами с южных направлений и освобождению железной дороги Москва – Великие Луки». **Отметим, что выполнение этой задачи резко улучшало стратегическую обстановку на Западном направлении и окончательно снимало угрозу неожиданного захвата Москвы».** *(Выделено мной. – В. М.)* [28]

Германское наступление **28 июня 1942 года в операции «Блау»** поразило советское командование своей стремительностью. В составе группы армий «Юг» на фронте протяженностью 800 километров было сосредоточено **68 немецких дивизий и 26 дивизий союзников. Но к 1 августа 1942 года линия фронта на этот момент составляла уже около 1200 километров.** Номинально общее число соединений осталось неизменным, однако сами немцы впол-

не резонно считали боевую мощь итальянской, румынской или венгерской дивизий равной примерно половине по сравнению с дивизией вермахта. Этим силам предстояло теперь захватить и удерживать полосу огромной протяженности, не говоря уже о трудностях подвоза и снабжения, которые должны были вследствие этого возникнуть, так как стратегическая цель никоим образом не соответствовала их наличным средствам. [29]

Вот почему после начала операции «Блау» июль 1942 года стал для советской стороны, пожалуй, самым сложным, важным и труднейшим месяцем года. Судите сами:

1. С 17 июля началась тяжелая оборона Сталинграда и Кавказа.

2. 2–12 июля 1942 года части вермахта начали операцию «Зейдлиц» в районе Ржева.

3. Маршал Шапошников заболел, и генерал Василевский был назначен начальником Генштаба Красной армии.

4. Гитлер в Виннице подписал директиву № 45 от 23 июля, определявшую действия вермахта по операции «Брауншвейг» (переименованная операция «Блау» – М. В.). Именно по этой директиве группа армий «А» получила задачу овладеть нефтяными районами на Кавказе, а группа армий «Б» – захватить Сталинград.

5. Выяснилось решение Японии не нападать на СССР.

6. Был отдан приказ И. В. Сталина № 227 – «Ни шагу назад!».

7. Началась Ржевско-Сычѳвская (*Гжатская*) наступательная операция войск Западного и Калининского фронтов – **30.07–01.10.1942.**

8. Генштаб приступил к подготовке операции «Уран».

9. Ставка ВГК начала накопление резервов под Сталинградом.

10. Гитлер на многие сотни километров втянулся в «кутузовскую» западню на территории СССР, **чудовищно растянув свои тылы.**

11. Был отдан приказ начальника Центрального штаба партизанского движения от 14 июля 1942 года «**О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага**».

12. Союзники **отказались** открыть Второй фронт в 1942 году.

13. Сталин от планирования перешел к выполнению триединого стратегического замысла Ставки ВГК в операциях «Монастырь», «Уран», «Марс», что и было основой Тайного фронта в 1942 году.

14. 4-е управление НКВД успешно проводило операцию «Монастырь» и др.

Кроме того, в июле 1942 года создались условия, когда у Сталина окончательно сформировались точные данные по операциям «Монастырь» (Москва), «Марс» (Ржев), «Уран» (Сталинград) для организации стратегического замысла. Картина фашистской операции «Брауншвейг», по данным советских внешней и войсковой разведок также обо-

значилась полностью. Надо было давать отпор фашистам под Сталинградом, оборонять Кавказ, **но при этом сдерживать их под Ржевом.** Только в таком случае было возможно с новыми дивизиями из резерва ВГК, прибывавшими с востока, начать наступление на самом слабом участке немецкого Восточного фронта, который защищала 3-я румынская армия, с дальнейшим окружением и уничтожением 6-й армии под командованием будущего фельдмаршала Паулюса.

Так что советский Верховный со своими военными советниками ясно увидел, что именно на этом рубеже немецкого Восточного фронта можно и нужно прорывать рубежи обороны, защищаемые румынами, а потом продвигаться навстречу частям Сталинградского фронта, осуществив подрез ослабевших тылов фашистов, их союзников, и полностью окружить 6-ю полевую армию генерал-полковника Фридриха Паулюса. [30]

В это же время под Ржевом планировалось начать новое наступление советских войск по операции «Марс», которое бы напугало немцев последним и решающим наступлением на немецкую группу армий «Центр» с целью ее разгрома. При этом с помощью операции советских контрразведчиков «Монастырь» противнику постоянно подбрасывалась бы «**правдивая**» информация, сбивавшая их с толку и заставлявшая фашистов принимать решения, нужные советскому командованию.

Так в огне тяжелейших сражений стратегический замы-

сел Верховного начал реализовываться нестандартными действиями частей Красной армии. На юге враг рвался к Майкопу и Баку. 6-я армия Паулюса приблизилась к Сталинграду.

http://vse-vuzy.ru/photo/2438/02438_000488.jpg

А в это время, как вспоминает генерал армии С. Штеменко (на снимке), «...кабинеты нашей и гитлеровской ставок были тоже своего рода полем сражения, где **противоборствовали умы стратегов**. Многое зависело не только от количества и качества сил и средств каждой стороны, но и от того, какой из них удастся найти лучшие способы и формы вооруженной борьбы, которые в конечном счете смогут создать перелом в ходе войны. Это понимали все советские генштабисты и трудились самоотверженно, на пределе человеческих возможностей...». [31]

Гитлер все в том же июле 1942 года начал проявлять непонятное для своих генералов нетерпение, очевидно, рожденное постоянными задержками в действиях своих групп армий «А» и «Б», посланных провести последнее, победное, сражение с русскими войсками. Танки останавливались: не хватало горючего. Резервов тоже не хватало, пришлось кланяться союзникам: итальянцам, румынам, венграм. Боеприпасы вовремя не доставлялись на передовые позиции, солдаты вермахта были крайне истощены и т. д. Однако фюрер все настойчивее подталкивал своих полководцев к быстрейшему захвату Кавказа. В итоге у советского Верховного главнокомандующего созрел следующий план действий.

Первое. Хорошо укрепиться на центральном направлении, на Западном и Калининском фронтах с задачей ясно обозначить свои намерения для противника: **именно там будет произведен главный удар Красной армии в 1942 году.**

Второе. Для недопущения любого маневрирования противником резервами с фронта на фронт **оказывать постоянное давление на немецкую группу армий «Центр», проводя непрерывные частые наступления.**

Третье. С помощью советских контрразведчиков **продолжать вводить противника в заблуждение насчет реальных планов советского командования, активно проводя операцию «Монастырь».**

[https://likeness.ru/blog/topic/53480/
razvedchik_pavel_sudoplatov_i_akter_goyko_mitich.php](https://likeness.ru/blog/topic/53480/razvedchik_pavel_sudoplatov_i_akter_goyko_mitich.php)

Вспоминает генерал-лейтенант Павел Судоплатов

(на снимке): «В июле 1941 года Горлинский, начальник секретно-политического управления НКВД, и я обратились к Берии за **разрешением использовать агента НКВД Демьянова вместе с Глебовым для проведения в тылу противника операции**, которая, для придания ей достоверности, предполагала задействовать поэта Садовского, скульптора Сидорова. Они в свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам. Их квартиры в Москве можно было использовать для конспиративных связей. Почти все они по прихоти судьбы жили **на территории Новодевичьего монастыря**, в своего рода “Вороньей слободке», были безобидными ворчунами, и НКВД их не трогал, а иногда и пользовался их услугами. **Отсюда всю операцию и назвали – “Монастырь”...**»

План чекистов сводился к тому, чтобы вначале создать активную прогерманскую подпольную организацию **“Престол”**, которая могла бы предложить немецкому командованию свою помощь при условии, что ее руководители получат соответствующие посты в новой антибольшевистской администрации на захваченной территории. Таким образом контрразведчики пытались выявить немецких агентов и проникнуть в разведсеть немцев в Советском Союзе...

Необходимо было заставить немецкую разведку поверить в монархическую организацию **“Престол”** как в реальную силу, пятую колонну в советском тылу. Именно через нее планировалось стать “своими” среди гитлеровцев в Советском

Союзе. А Садовского было решено использовать в роли руководителя легендируемой организации подпольных монархистов». [32]

Операция «Монастырь» началась и пошла своим чередом, развивалась успешно, но Верховному стало ясно, что ее возможности выходят далеко за рамки целей, намеченных вначале контрразведчиками из 4-го управления НКВД. Теперь речь могла идти не только и не столько о поимке немецкой агентуры, сколько о своевременной крупномасштабной дезинформации верховного командования вермахта в ответ на их операцию «Кремль». Таким образом, в июле 1942 года в содержании стратегического замысла советского Верховного главнокомандующего «Ржев – Сталинград» как Тайного фронта появляется еще одна, третья, составная часть – операция «Монастырь». Теперь всю задумку Ставки ВГК на ведение боевых действий в 1942 году можно обозначить так: «Операция “Монастырь” – операция “Уран” – операция “Марс”», 1942 год. Как покажет будущее, это триединство и приведет в конце концов к финальному сражению противоборствующих сторон под Сталинградом, которое явится, по признанию всего мира, коренным в Великой Отечественной войне, а кое-кто из историков и политиков считает, что и во всей Второй мировой.

Операция «Монастырь» теперь уже под конкретным ру-

ководством советского Главковерха позволила начать полномасштабную дезинформацию фашистских генералов и самого Гитлера, подкидывая им нужные советскому командованию искаженные данные, в которых **особенно выделялась ориентировка противника на то, что русские летом 1942 года станут настойчиво защищать Москву и своим главным наступлением на западе будут стремиться отодвинуть немецкую группу армий «Центр» подальше от своей столицы.**

Так, в противоречиях и размышлениях, рождался **триединый** стратегический замысел советского Верховного главнокомандующего. При этом он опирался на данные, каждодневно получаемые от разведки, на предложения военачальников и на другую информацию. Сталин внимательно вчитывался в рекомендации работников Генерального штаба, прислушивался к мнению членов Политбюро, к советам специалистов. Здесь же следует отметить, что именно операция «Монастырь» объединила и «Марс», и «Уран» в единый стратегический план, с помощью которого был нанесен сокрушительный удар по хребту фашистского вермахта. Почему об этом не говорили раньше? Дело в том, что **Сталин засекретил все данные по операции «Монастырь»**. В 1990-е годы они были приоткрыты, но, к сожалению, до сих пор большая их часть остается в тайне.

Вот почему для исследователей стратегический замысел советской Ставки ВГК на 1942 год относительно указанных

операций стал «белым пятном». Секретность не позволяла историкам войны увидеть картину боев 1942 года в полном объеме: не хватало ее третьей части, операции «Монастырь». Отсюда правильно понять план советского командования на 1942 год, в том числе объяснить, как же реально проходили сражения, например, на ржевских рубежах, до поры до времени было просто невозможно. Но пытливые исследователи даже без наличия засекреченных архивных материалов все-таки смогли верно оценить значение этой операции чекистов. В свете новых данных сражения под Ржевом должны рассматриваться уже не как «мясорубка», «бездарные» действия советского командования, а как оптимистическая трагедия советских воинов, защищавших свою Отчизну.

И всех, кто погиб под Ржевом, можно смело причислять к когорте сталинградцев, прошедших трудный путь к победе над фашистским агрессором. Но до финала этого триединого замысла нужно было еще проделать огромную организационную работу, пройти кровавые военные дороги и, к великому сожалению, потерять большое число советских воинов. О том, как развивались события в операциях «Монастырь», «Марс» и «Уран», на Тайном фронте под руководством советского Верховного главнокомандующего, рассказывается в следующих главах книги.

Примечания:

1. Кожин В. Россия. Век XX (1939–1964). <http://>

www.koginov.ru/knigi/rossiya-vek-xx-1939-1964.html

2. См.: Сойма В. Запрещенный Сталин. <http://krkprf.narod.ru/rubriki/stalin/soima/14.htm>

3. Мартиросян А. Ржевские операции. <http://deiostraiina.ru/?p=490>

4. Гришин Н. Харьковская катастрофа 1942 года // Дуэль. 2003. 8 апреля. № 14 (311).

5. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Олма-Пресс, 2002.

6. Исаев А. В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 7.

7. Исаев А. В. Там же. http://militera.lib.rU/h/isaev_av6/index.html

8. Мартиросян А. Ржевские операции. <http://delostalina.ru/?p=490>

9. Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985.

10. Кожин В. Россия. Век XX (1939–1964). www.koginov.ru/knigi/rossiya-vek-xx-1939-1964.htm!

11. Кожин В. Там же. С. 251.

12. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М.: Патриот, 1990. С. 41–42; Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945. Т. 3. М.: Наука, 2005. С. 412–413.

13. Вайс А. Как СД морочило голову Сталину. <http://>

14. Цит. по: Калинин В. Поединок // Наш современник. 2005. № 7.
15. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968– 1971. Оригинал: Haider F. Kriegstagebuch. Tagliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962– 1964. <http://militera.lib.ru/db/halder/index.html>
16. Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М.: Молодая гвардия, 2005.
17. Архив Министерства обороны. Ф. 6598. Оп. 393761. Д. 955. Л. 1–19.
18. Гришин Н. Харьковская катастрофа 1942 года. <http://liewar.ru/content/view/55/11/>
19. Кейтель В. 12 ступенек на эшафот... Ростов н/Д: Феникс, 2000.
20. Карта военных действий и планы немецкого командования на проведение операции «Блау» и «Клаузевиц». Л. 1. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М.: Воениздат. <http://hamster02.narod.ru/061.jpg>
21. Цит. по: Карель П. Гитлер идет на Восток (1941–1943). www.e-reading.org.ua/txt.php/25650/
22. См.: Мангазеев И. «Уран» и «Марс»: общая победа // Вече Твери. 2007. 22 ноября.

23. Нилов А. *Интервью доктора военных наук М. Хетчи-кова «Победу мы не отдадим»* // Газета «Караван». Тверь. <http://www.karavan.tver.ru/html/n976/main.php>
24. Цит. по: http://www.oldru.com/ww2/10_39.htm
25. *История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1975. С. 235.*
26. Гальдер Ф. *Военный дневник...* М.: Воениздат, 1968; militera.lib.ru/db/halder/index.html
27. Мартиросян А. *Ржевская битва 1941–1943 гг. Ржев: История Ржева, 2000.*
28. Мяжков М. «Марс» – загадочная операция? // *Красная звезда*, 05.02.2003.
29. Бешанов В. В. *Год 1942 – «учебный».* Минск: Харвест, 2003. http://militera.lib.ru/research/beshanov_vv/index.html
30. См.: Исаев А. В. *Сталинград. За Волгой для нас земли нет.* М.: Яуза, Эксмо, 2008. http://militera.lib.ru/h/isaev_av8/index.html
31. Штеменко С. М. *Генеральный штаб в годы войны.* М.: Воениздат, 1989.
32. Судоплатов П. А. *Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы.* http://www.erNb.com/Павел_Судоплатов/Спецоперации/16/

Часть вторая

Стратегия Победы

Глава 3.

Особая группа Главковерха

Мои дальнейшие попытки разгадать тайны ржевских и других сражений шли своим чередом. Я старался понять, почему Верховный главнокомандующий И. В. Сталин в определенное время поступал именно так, принимая то или другое решение для организации отпора фашистам, а не делал иначе. На этом трудном исследовательском пути мне неожиданно стали открываться новые исторические горизонты, захватывающие страницы борьбы советского народа, его воинов, тружеников тыла против немецких захватчиков. Эти факты, к сожалению, не публиковались раньше в учебниках истории, по которым я в свое время изучал ход Великой Отечественной войны. Но мой особый интерес на этот раз вызвала работа советских разведчиков, которые должны были предоставлять советскому руководству точные данные

о противнике. Если в мирное время разведке действовать, особенно за рубежами СССР, было нелегко, то можно себе представить всю сложность работы этого невидимого фронта в годы войны. Однако при любом раскладе боевых действий тайное ведомство страны (НКВД) исправно выполняло свое предназначение. Все это касалось и операции «Монастырь», которая явилась, как было отмечено в предыдущей главе, важнейшей составной частью стратегического замысла Ставки ВГК, так как активно помогала вводить в заблуждение фашистских генералов, и в первую очередь Гитлера как их верховного главнокомандующего. Становилось понятным и то, почему в нужное время была создана сверхзасекреченная группа чекистов, которую можно было определить как особый коллектив при наркоме внутренних дел СССР. Об этом говорит приказ по НКВД, подписанный Генеральным комиссаром государственной безопасности Л. П. Берией:

ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА

Приказ НКВД СССР № 00882

о создании Особой группы при наркоме внутренних дел СССР

5 июля 1941 г.

- 1. Для выполнения **специальных** заданий создать Особую группу НКВД СССР.*
- 2. Особую группу подчинить непосредственно народному*

комиссару.

3. Начальником Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А.

Заместителем начальника Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Эйтингона Н. И.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар государственной безопасности
Л. Берия.

(Выделено мной. – В. М.) [1]

Начальники всех служб и подразделений НКВД приказом по наркомату были обязаны оказывать Особой группе содействие людьми, техникой, вооружением для развертывания разведывательно-диверсионной работы в ближних и дальних тылах немецких войск. Среди основных операций, которые проводила Особая группа (ОГ), были в том числе: ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией, **проведение радиоигр с фашистами и др.** [1]

Затяжной характер войны и оккупация немецко-фашистскими захватчиками большинства стран Европы, в том числе значительной территории европейской части СССР, потребовали от советских органов госбезопасности осуществлять во все более широких масштабах разведывательные и

контрразведывательные мероприятия, разворачивать диверсионную работу за линией фронта. В связи с этим **3 октября 1941 года** при наркомвнудел СССР был создан самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР. А **с 18 января 1942 года он был переформирован в 4-е управление**. [2]

Это новое управление использовало в своей работе самые различные средства для противоборства с фашистами. **Среди них стали выделяться применяемые и противником радиоигры, которые советская контрразведка освоила очень быстро.**

В чекистской терминологии и документации для их обозначения применяли заглавную литеру «Э» (от слова «эфир»). Начиная с момента фашистской агрессии развернувшаяся между спецслужбами Германии и СССР тайная битва стала набирать обороты. А в начале следующего, затяжного, периода войны (с зимы 1942 года) война в эфире и вовсе приняла невиданные размах и интенсивность. Отдельные радиоигры превратились, в сущности, в **единую «Большую игру»**. На немецкие спецслужбы обрушились, говоря современным языком, гигабайты умело подготовленной дезинформации, очень сильно мешавшей деятельности гитлеровской разведки и контрразведки, а также фашистского верховного командования.

Накануне 55-летия Победы (2000 год) Федеральная служба безопасности России рассекретила некоторые материалы

проводимых в годы войны радиоигр. О них **Владимир Макаров и Андрей Тюрин**, специалисты Центрального архива ФСБ России, подробно рассказывают в своих интереснейших книгах и очерках, в частности в «**Поединке Лубянки с Абвером**». Авторами делается многозначительный вывод, что битвы под Сталинградом, Курском, а также Белорусская, Яско-Кишинёвская и другие операции советских войск – далеко не полный перечень сражений, исход которых не был бы столь успешным и впечатляющим, если бы не результативная работа советских чекистов по дезинформации врага и обеспечению скрытности подготовки операций Красной армии.

Так, например, только в целях скрытности работы по разгрому группировки врага на Курской дуге были задействованы **возможности 17 проводившихся контрразведкой радиоигр**. Именно благодаря радиоиграм советской контрразведке удалось свести к минимуму разведывательно-диверсионную активность абвера и СД. «За время Великой Отечественной войны органами государственной безопасности в тыловых районах страны выявлено и разоблачено **1852** вражеских агента, из них **554** агента-парашютиста, входивших в состав **172** диверсионных групп, **663** агента – в составе **242** разведывательных групп, **302** агента – в составе **35** разведывательно-диверсионных групп, **109** агентов-диверсантов и **224** агента-разведчика. **681** вражеский агент явился с повинной в органы госбезопасности, **127** – были убиты при

задержании. У пойманных агентов-парашютистов захвачено **376** коротковолновых радиостанций и др.». [3]

Однако в вышеприведенном очерке уважаемых авторов я, к сожалению, ничего не нашел о **Ржевской битве**. Хотя именно в качестве подготовки к сражениям под этим городом наиболее активно проводилась радиоигра в операции «Монастырь». Именно в ней активно **действовал советский двойной агент «Гейне-Макс»**. Если память наших, особенно старших, соотечественников хранит легендарные имена Рихарда Зорге, Николая Кузнецова и других, то о выдающемся советском разведчике **Александре Петровиче Демьянове** вряд ли слышали даже участники Великой Отечественной войны. О нем, по существу, узнали только в 90-х годах, после выхода книги «Разведка и Кремль» генерал-лейтенанта Павла Судоплатова.

Павел Анатольевич, напомним, руководил 4-м управлением НКВД СССР, которое организовывало разведывательную и диверсионную работу на оккупированных гитлеровцами территориях. Еще более полные данные, посвященные жизни и деятельности отца, приводятся историком разведки **профессором Андреем Судоплатовым в «Очерках истории российской внешней разведки»**, изданных к **55-летию Победы**, и в исследованиях других историков.

В 1942 году И. В. Сталин принял решение активнее использовать разведку для создания условий для победы. Он издает еще один секретный приказ «О реорганизации Раз-

ведывательного управления Генерального штаба в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (ГРУ)». Это говорило о большом внимании Верховного главнокомандующего к ее деятельности. [4]

О важности получения Ставкой ВГК точных разведданных может говорить, например, такой факт, что ежедневно в ГРУ во второй половине дня готовились сводки о положении на фронтах за истекшие сутки. Эти разведсводки представлялись председателю ГКО И. В. Сталину, другим членам комитета, начальнику Генерального штаба и начальнику его Оперативного управления. Не реже одного раза в неделю к этому документу прилагались специальные карты, изготовленные в военной разведке, на которых отражалось положение группировки сил противника. К 7, 15, 22 и 30-му числу каждого месяца ГРУ должно было представить Сталину, всем членам ГКО, начальнику Генерального штаба и начальнику Оперативного управления ГШ особый документ, который назывался **«Боевое расписание сил противника»**.

В этом «Расписании» указывалась группировка противника по всем фронтам и направлениям, вплоть до дивизии, отдельной бригады, полка и батальона. Во многих случаях по мере поступления сведений особой важности ГРУ разрабатывало специальные сообщения, которые незамедлительно направлялись И. В. Сталину, Г. К. Жукову, Б. М. Шапошникову, А. М. Василевскому. Часто такие спецсообщения адресовались В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, Л. П. Берии и

другим государственными деятелям. [5]

А в августе – сентябре 1941 года начали создавать сами разведывательно-диверсионные сети, комплектовать материально-техническую базу подполья, размещать подпольные радиостанции, от которых потом шли секретные сведения о намерениях фашистов. Этим занимались в основном **Особая группа – 2-й отдел, потом 4-е управление (начальник – П. А. Судоплатов), а также 3-е (секретно-политическое) управление (начальник – Н. Д. Горлинский) и Транспортное управление НКВД СССР (начальник – Н. И. Синегубов).** [6]

Какова же была задача одного из самых действенных инструментов разведки – радиоигр? По своим основным целям радиоигры, которые вели советские контрразведчики с немецкими разведывательными органами, можно разделить на следующие виды:

1. Борьба с вражеской агентурой в прифронтовой полосе, задача которой – создание (с помощью захваченных или сдавшихся вражеских диверсантов) уверенности в активных действиях своих агентов в прифронтовой полосе, что рождало у противника известную самоуспокоенность и удерживало его от более активных действий.

2. Противостояние разведывательно-диверсионным действиям немецких агентов на транспортных коммуникациях СССР. В этом случае радиоигры были весьма эффективным способом создания у гитлеровского командо-

вания впечатления об активной работе своей агентуры в тылу противника, а чекистам это позволяло фактически парализовать шпионскую деятельность.

3. Борьба с германским шпионажем в промышленных центрах Урала и Сибири.

4. Противодействие немецким шпионам и диверсантам за пределами СССР и др.

Организуя радиоигры, органы советской контрразведки добивались главного – резкого уменьшения эффекта от работы вражеских спецслужб по основным линиям их деятельности: ведению шпионажа в прифронтовой полосе и на основных транспортных коммуникациях страны (**радиоигры «Опыт», «Загадка», «Находка», «Борисов», «Контролеры», «Лесники» и др.**); стратегической разведке абверовцев в промышленных районах Урала, Сибири и Средней Азии (**радиоигры «Фисгармония», «Дуэт», «Патриоты», «Тайник» и др.**); проведению на территории СССР диверсий и террористических актов против военных, советских и партийных деятелей (**«Подрывники», «Десант», «Туман» и др.**); созданию в Советском Союзе так называемого фронта сопротивления, или «пятой колонны», путем объединения различного рода антисоветских элементов и обеспечения его необходимым вооружением (**радиоигры «Монастырь», «Янус» и др.**); организации вооруженных выступлений против советской власти в национально-территориальных образованиях СССР (**радиоигры «Арийцы»,**

«Разгром», «Тростники» и др.). [7]

Результаты такой работы советских контрразведчиков, естественно, не могли не докладываться Верховному главнокомандующему. [8]

Более того, эти спецсообщения НКВД за подписью его наркома Л. П. Берии регулярно направлялись на самый верх для принятия по ним конкретных решений. **Это подтверждают, в частности, следующие данные.**

ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА

Спецсообщение НКВД СССР о подготовке немцами разведчиков и агентов из числа военнопленных и о возможности радиоигры с противником

28 января 1942 г.

Совершенно секретно

№ 128/5

*Государственный Комитет Оборона Товарищу Сталину
20 января с. г. после взятия частями Красной армии города Можайска в особый отдел НКВД 82 стрелковой дивизии 5-й армии явились бывшие военнослужащие Красной Армии: бывший зам. политрука 2-й батареи 875-го противотанкового полка Ольнев М. В., бывший старший сержант 849-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии Ревин П. Г., бывший старший ветврач 1300 стрелкового полка 9-й стрелковой дивизии Гранкин Н. П. и бывший красно-*

армеец запасного кавалерийского полка Юсупов Х.

На допросе они показали, что, попав в окружение под гор. Ельня, они были взяты в плен немцами и направлены в лагерь для военнопленных в гор. Смоленск. В Смоленске они были немцами завербованы, прошли специальные радиокурсы, были доставлены в Можайск, где и были оставлены немецкой армией 16 января с. г.

Германская военная разведка снабдила их радиостанцией, оборудованной в подвале разрушенного здания Можайского райисполкома, шифрами, оружием, месячным запасом продовольствия и деньгами в сумме 9000 рублей. На них была возложена задача сообщать германской разведке в течение месяца по радио о положении в гор. Можайске и сведения о частях Красной Армии, после чего вся группа должна возвратиться в расположение немецких войск.

Явившиеся бывшие военнослужащие своим соучастником назвали жителя города Можайска Криницкого Н. Ф. Последний арестован.

Все арестованные доставлены для ведения дальнейшего следствия в НКВД СССР.

В связи с этим представляется целесообразным использовать указанную группу для передачи немцам по радио, в интересах Красной Армии, соответствующих дезинформационных сведений. Для этой цели один из задержанных, Ревин, 25 января в сопровождении оперативных работников и радиоспециалистов НКВД СССР возвращен в гор. Можайск с

задачей передать немцам, что во избежание провала в связи с наведением в городе порядка войсками Красной армии он просит установить с ним связь через несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.